

Раздел 1. ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ПАРАДИГМЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ: РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Вопрос о том, может ли социально-философское исследование иметь прикладное значение, и, если да, каково соотношение его фундаментальных и прикладных аспектов, остается предметом старых, как мир, споров о сущности философии и ее общественном предназначении. Нисколько не отрицая значения познания ради познания, мудрости ради мудрости, культуры ради культуры, хотел бы обсудить с читателем некоторые социально-философские проблемы, представляющие практический интерес для граждан страны вообще, образовательного и научного сообщества в особенности. Отчасти эти проблемы стали предметом защищенной автором в 2001 г. докторской диссертационной работы на тему: «Социально-философские аспекты государственной образовательной политики в условиях радикальной трансформации российского общества», однако в данном случае этот предмет расширен за счет аналогичных аспектов государственной политики по отношению к науке.

1. Основные понятия

Поскольку целый ряд понятий, используемых автором, отличается многозначностью, исследуется в рамках различных наук и даже в рамках одной научной дисциплины интерпретируется различным образом, начнем с их определения.

Модернизация: понятие и «идеальные типы»

В широкой трактовке *модернизация* — это процесс перехода от традиционного (доиндустриального) общества к современному (индустриальному) и далее — к постиндустриальному. В узкой интерпретации модернизация обычно связывается в литературе исключительно с индустриализацией и ее последствиями.

Логически возможны различные модели («идеальные типы») модернизации, которым исторически в большей или меньшей степени могут соответствовать ее особенности в тех или иных странах, поддающиеся типологизации по разным основаниям.

С точки зрения стимулов развития можно выделить два типа модернизации: один базируется преимущественно на внутренних стимулах (большинство индустриально развитых стран или так называемых стран первого эшелона), другой — главным образом на стимулах внешних, включая поражение в войне, угрозу утраты национального суверенитета, колониальное завоевание и т. п. (большинство развивающихся стран Азии и Африки).

С точки зрения преобладающей культурной ориентации, модернизация может выступать как: заимствованная (или навязанная), когда вместе с новыми технологиями репродуцируется и иная культура, иногда воспринимаемая как враждебная (например, петровские реформы); самобытная, стремящаяся сочетать новейшие технологические и организационно-управленческие достижения с культурными традициями страны, переживающей модернизацию (например, послевоенная Япония — и это тем более парадоксально, что она потерпела поражение и в 1945 г. была оккупирована, тогда как петровская Россия, напротив, переживала период политического подъема и военных побед). В данном отношении применительно к России и находящимся в аналогичном положении странам модернизация, безусловно, содержит элементы вестернизации, но отнюдь не тождественна последней.

Наиболее важной для целей настоящей работы является типология модернизаций по характеру и предполагаемой траектории развития:

— *догоняющая модернизация (догоняющая конвергенция)* — базируется преимущественно на внешних стимулах и заимствует образцы и стереотипы культуры более модернизированных стран. Кроме этого, определение «догоняющая» указывает на отставание данного общества не только в уровне экономического и культурного развития, но и в скорости течения исторического времени, в темпах осуществления процесса модернизации;

— *опережающая модернизация (опережающее развитие)* — предполагает достаточный внутренний потенциал и по преимуществу внутренние источники развития, хотя отчасти

может базироваться и на внешних стимулах; развивает культурную традицию страны, в которой осуществляется; ставит целью не воспроизведение (хотя бы и в сокращенном виде) всех этапов эволюции или современного состояния наиболее модернизированных стран, но на основе анализа и прогноза тенденций развития цивилизации — «конструирование» ее состояния в обозримом будущем. Формула опережающей модернизации — обогнать, не догоняя.

В конкретной исторической ситуации начала XXI в. эта модель предполагает обращение к опыту стран не только Запада, но и Востока. В чистом виде до настоящего времени она нигде не реализовалась, однако элементы опережающего развития присутствовали в траекториях движения СССР, Японии, Китая, новых индустриальных стран, а также Индии, совершившей прорыв в области новых информационных технологий.

Понятия образовательной и научно-инновационной политики

Термин «политика» по количеству определений принадлежит к числу лидеров в социогуманитарных науках. Для целей настоящей работы наиболее важны три группы таких определений:

- политика как одна из сфер общественной жизни, связанная с отношениями между государствами и большими социальными группами;
- политика как собственно деятельность людей, включая политическое участие;
- политика как курс правительства, его органов, руководства крупного административно-территориального образования, политической партии и т. п.

Данные подходы являются не альтернативными, но комплиментарными, взаимно дополняющими друг друга, причем последняя дефиниция представляет собой частный случай определения политики как деятельности, и, во-первых, характеризует, главным образом, деятельность субъектов управления, а, во-вторых, акцентирует внимание на ее направленности. Это значение термина подразумевается прежде всего, когда говорят об экономической, социальной, культурной, военной политике и т. п. Соответственно, и в данной работе термины «образовательная политика» и «научно-инновационная политика» употребляются преимущественно для обозначения политического курса.

Большинство специалистов по философским и политическим наукам не рассматривают политику в области образования и науки в качестве самостоятельных направлений, в лучшем случае включая их в структуру политики социальной или культурной. Это обстоятельство, равно как и практически полное отсутствие специальных статей на данную тему в справочных изданиях по философским, политическим и педагогическим наукам, можно рассматривать как отражение подсознательной недооценки роли образования и науки, а также соответствующих областей политики в обществе.

Как с теоретической, так и с практической точек зрения представляется необходимым различать два близких, но не совпадающих по объему и содержанию понятия: «политика в области образования» и «образовательная политика». Первое из них охватывает комплекс мер, предпринимаемых либо государством, его органами, политическими партиями и другими субъектами политического действия в отношении образования как социального института; второе, помимо этого, включает в себя образовательные компоненты и образовательное воздействие других направлений внутренней политики государства (экономической, социальной, информационной и т. п.). Практический смысл данной концепции заключается в том, чтобы побудить властвующую элиту учитывать образовательную составляющую и прогнозировать образовательные последствия всех политических решений и действий.

В самом общем виде образовательную политику можно определить как одно из ключевых направлений внутренней политики государства, имеющее целью создание экономических, институциональных и духовно-идеологических условий для осуществления основных функций образования, включая формирование определенного типа (или типов) личности, воспроизводство кадрового потенциала общества и воспитание граждан государства в соответствии с принятой системой ценностей.

По той же логике следовало бы различать понятия «политика в области науки» и «научная политика», однако в данном случае возникают трудности терминологического свойства. Термин «научная политика» имеет давно и прочно устоявшийся смысл и интерпретируется общественным сознанием как «научно-обоснованная политика». В интересующем нас аспекте понятие «научно-техническая политика», широко употребляемое

в нормативно-правовых актах, также не может быть аналогом понятия «образовательная политика», ибо, во-первых, строго говоря, не охватывает сферу политики в области гуманитарных наук, а во-вторых, указывает на влияние науки лишь в сравнительно узкой области общественной жизни — в сфере техники и отчасти производства.

В связи с этим для целей настоящей работы предлагается использовать понятие «научно-инновационная политика», которое:

а) охватывает не только научно-технические, но и гуманитарные аспекты политики в области науки;

б) указывает на необходимость и характер использования научных достижений для обновления всей общественной жизни, а не только техники и производства;

в) в отличие от понятия «политика в области науки» включает не только комплекс мер, предпринимаемых либо программируемых субъектами политического действия по отношению к науке как социальному институту, но и воздействие всех основных направлений внутренней политики государства на уровень развития науки, внедрение ее достижений и формирование научных представлений в общественном сознании. В этом отношении данное понятие аналогично понятию «образовательная политика».

Совершенно очевидно: представление об образовательной и научно-инновационной политике как комплексных направлениях внутренней политики государства может стать концептуальной основой системного (в отличие от отраслевого) подхода к управлению образованием и наукой в современных сложно организованных социумах. Однако на практике, по крайней мере в современной России, в абсолютном большинстве случаев преобладает не просто отраслевой, но ведомственный подход и, как когда-то выражался Президент США Р. Рейган, правая рука власти не знает, что делает крайняя правая.

2. Образовательная и научно-инновационная политика как факторы модернизации и обеспечения национальной безопасности страны

Исследование образовательной и научно-инновационной политики вообще, а в социумах, переживающих радикальные трансформации, в особенности, невозможно без анализа социально-политической роли образования и науки, важнейшими аспектами которой является воздействие этих общественных институтов на процесс модернизации и обеспечения национальной безопасности страны. Влияние образования и науки на процессы модернизации общества, хотя оно и не получило достаточно полного освещения в литературе, вполне очевидно. Напротив, взаимосвязь образования и науки с национальной безопасностью еще недавно воспринималась как нонсенс либо интерпретировалась крайне узко (секретные научные разработки, в т. ч. новых видов вооружений, военная подготовка, обучение специалистов для спецслужб и т. п.).

Между тем, не совпадая ни по объему, ни по содержанию, ни по аспекту отражения реальности, понятия «модернизация» и «национальная безопасность» с точки зрения их научно-образовательных аспектов имеют между собой много общего, и это не случайно, ибо в современном мире национальная безопасность любого народа может быть обеспечена только на базе успешной модернизации. Модернизация — одно из необходимых условий национальной безопасности, условие интегральное, определяющее, но не исчерпывающее.

Национальная безопасность в научно-образовательном измерении

Разумеется, при таком подходе проблема национальной безопасности должна быть выведена из плоскости национального вопроса. Национальная безопасность — не безопасность одного из этносов, проживающих на территории данной страны, пусть даже самого крупного, ведущего этноса. Это совокупность условий, обеспечивающих суверенитет и защиту стратегических интересов государства, полноценное развитие общества и всех граждан. Такое понимание национальной безопасности вошло в мировую политику и науку от американского президента Т. Рузвельта, который предложил данный термин, через «школу политического реализма» до современных теоретиков.

Рассматриваемые в контексте воспроизводства человеческого потенциала, образование и наука выступают универсальным фактором как модернизации, так и обеспечения национальной безопасности страны, воздействуя на все без исключения формы организации макросоциальной (социетальной) системы, на все без исключения ее структурные элементы, а тем самым — на все уровни национальной безопасности (безопасность общества, государства, личности) и ее главные составляющие.

Совершенно очевидно:

1) экономическая и военная безопасность современного государства немислимы без квалифицированных кадров;

2) технологическая безопасность невозможна без тех же кадров и научных разработок;

3) по поводу экологической безопасности зарубежные и отечественные специалисты по инвайронментальной социологии сходятся во мнении, что без новой культуры выживания, без так называемого инновационного обучения человечество обречено на катастрофу. Спорят лишь о том, сколько времени осталось цивилизации на осознание губительности технологической экспансии, не подкрепленной духовным совершенствованием, — 40, 70 или 100 лет;

4) что касается безопасности культурного развития, выделяемой многими специалистами, то образование как фундамент культуры, несомненно, является ее основой, а наука — одним из важнейших компонентов, значение которого нарастает пропорционально уровню развития технологической цивилизации;

5) и, наконец, ни одна общественная система, ни одно государство не может нормально развиваться при отсутствии специфического феномена, «стержня» культуры — системы ценностей, объединяющей ее членов. Нация, лишенная своих ценностей, превращается в толпу или, хуже, — в гигантскую банду. Одно из первых мест в формировании ценностей народа принадлежит образованию.

Интересно, что некоторые показатели научно-инновационной политики прочно и достаточно давно введены исследователями в систему параметров национальной безопасности. Так, по мнению Г. В. Осипова, одним из таких показателей является выделение на научные исследования не менее 2% от ВВП¹. Однако в большинстве работ, посвященных национальной безопасности, образовательная проблематика вообще не выделяется, а равно отсутствует понимание непосредственной связи уровня национальной безопасности и степени модернизации страны. В этой связи представляется необходимым в первом приближении сформулировать систему образовательных параметров национальной безопасности. Эта система могла бы отчасти основываться на принятых в международной практике индикаторах, поставленных в иной контекст, и, в частности, включить в себя показатели, фиксирующие:

— долю расходов на образование от ВВП, от расходной части консолидированного бюджета и бюджетов различных уровней;

— среднее число лет обучения населения старше 16 лет;

— средние показатели уровня знаний обучающихся, получаемые при сравнительных международных исследованиях;

— долю выпускников образовательных учреждений среднего (полного) общего образования, учреждений всех уровней профессионального образования (за исключением политехнического), признанных практически здоровыми по медицинским показателям;

— численность в расчете на 10 тыс. населения студентов высших учебных заведений, учреждений среднего профессионального образования, а также учащихся в системе начального профессионального образования;

— долю выпускников учреждений среднего (полного) общего и профессионального образования, имеющих положительную социальную мотивацию, выявляемую при социологических опросах. Совершенно очевидно: отражая основные аспекты проблемы (количественные, качественные, ценностные), данная система показателей отнюдь не является исчерпывающей и нуждается в дальнейшей разработке².

Образование и наука как основа модернизации России

В контексте государственных (национальных) интересов существует целый ряд факторов, объективно превращающих образование и науку в основу модернизации России. Назовем некоторые из них.

1. Высокий уровень развития этих социальных институтов в советский период. Как известно, СССР был второй научной державой мира и располагал одной из лучших

¹ Осипов Г. В. Россия: Национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М., Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. С. 47.

² Подробнее см.: Смолин О. Н. Социально-философские аспекты государственной образовательной политики в условиях радикальной трансформации российского общества. М., 2001. С. 89.

в мире систем образования. Популярный тезис о том, что эта система была лучшей в мире, трудно доказуем, однако ее передовые позиции в докомпьютерный период подтверждены сравнительными социологическими исследованиями.

2. Высокая инерционность систем образования и науки, связанная с характером преемственности в культуре вообще, а также с длительным циклом воспроизводства и особой ролью моральных стимулов к труду в этих сферах общественной жизни в частности. Эта высокая инерционность проявилась в ходе российских радикальных трансформаций 1990-х гг., когда качественные сдвиги в области образования и науки (хотя к последней это относится в меньшей мере) были выражены значительно слабее, чем, например, в политической жизни. В то же время чрезвычайно сложными оказались задачи поддержания необходимого уровня названных социальных институтов как ключевых сфер культуры, обеспечивающих преемственность «старой» и «новой» общественных систем.

3. Ограниченность других модернизационных ресурсов, отвечающих требованиям постиндустриальной революции: предложения ряда отечественных политических лидеров осуществлять модернизацию за счет увеличения добычи сырья (например, на основе соглашений о разделе продукции) приведут лишь к досрочному истощению невозобновляемых природных ресурсов и окончательному превращению страны в сырьевой придаток государств «золотого миллиарда»; индустрия и сельское хозяйство находятся в посткатастрофическом состоянии и нуждаются в модернизации, которая, в свою очередь, может быть осуществлена, прежде всего, на основе развития наукоемких технологий и кадров высшей квалификации, обладающих значительным творческим потенциалом¹. В этой связи создание громадного стабилизационного фонда на фоне хронического недофинансирования образования, медицины, науки и культуры представляется абсурдом, тогда как его превращение в инвестиционный фонд (фонд будущих поколений) — «категорическим императивом» для национальной безопасности и модернизации страны. Забегая вперед, стоит заметить: на взгляд автора, не менее половины дополнительных доходов федерального бюджета необходимо инвестировать в «человеческий капитал».

4. Исчерпанность возможностей осуществления «варварской» модернизации, причем как левого, так и правого толка. История России (и не только России) знает примеры того, как модернизация общества осуществлялась за счет истощения, частичной деградации или даже частичного уничтожения главного ресурса общественного развития — человеческого.

Однако, во-первых, такой антагонистический характер прогресса был возможен либо на стадии доиндустриальной цивилизации (петровские реформы), либо на стадии экстенсивной индустриализации (сталинский «перелом»). Построение же постиндустриального общества в прямом и переносном смысле на костях миллионов людей представляется невозможным по причинам, связанным, с одной стороны, с принципиальным изменением роли «человеческого фактора» в современных индустриальных и социальных технологиях, а с другой, — с продолжающейся в стране с 1992 г. демографической катастрофой.

Во-вторых, даже «варварские» модернизации в досоветский и особенно в советский периоды во многом базировались на форсированном развитии образования и науки, хотя этому развитию нередко придавался гипертрофированно идеологический характер. Вопрос о том, когда соответствующая необходимость будет практически реализована постсоветской отечественной политической элитой, остается открытым. В любом случае **императивом времени является формула: через образование и науку — к реформированию общества в интересах большинства народа.**

Из сказанного следует, что методы реформирования науки и образования в России не могут быть заимствованы из других сфер общественной жизни, в том числе в силу высокого уровня развития этих социальных институтов в Советском Союзе и их высокой

¹ Министр финансов России А. Кудрин объявил о намерении в 2007 г. обеспечить объем ВВП, равный его величине в 1990 г. Если этот прогноз будет реализован, во-первых, определится цена отечественных радикальных трансформаций в единицах исторического времени — 17 лет (мировой рекорд продолжительности экономического кризиса в мирное время, по меньшей мере, за четыре века Новой и Новейшей истории человечества); во-вторых, достижение выраженного в денежной форме объема ВВП 1990 г. отнюдь не означает, что этот объем будет достигнут и в натуральных показателях, поскольку значительную его часть образуют доходы от нефти, резко выросшей в цене.

инерционности. Ныне для обеспечения модернизации страны сохранение высокого образовательного и научного потенциала важнее проведения реформ. Эволюция здесь принципиально предпочтительнее революций.

Глобальный контекст российской модернизации. Проблема социально-образовательного детерминизма как новой философско-социологической парадигмы

В глобальном контексте роль науки и образования в модернизации и обеспечении национальной безопасности России связана с перспективами ее перехода к информационному обществу («обществу профессионалов», «обществу знаний» и т. п.), в связи с чем в общественной жизни лидирующих в экономическом развитии государств происходит ряд качественных изменений.

Так, согласно далеко не полным данным, в начале 1990-х гг. «накопленный человеческий капитал в развитых зарубежных странах превышал объем вещного основного капитала в среднем в 1,5 раза, а вклад знаний и образования в прирост валового внутреннего продукта (ВВП) оценивался примерно в 60%»¹. «Удельный вес сферы услуг в ВВП в начале XXI в. варьирует в пределах от 62% в Японии до 72% в США, а в ее составе опережающими темпами развиваются услуги социально-культурного профиля (сферы образования, здравоохранения, культуры, социального обслуживания и т. д.)»².

Происходящие в современном обществе процессы в определенном смысле аналогичны тому, что совершалось в период индустриализации, хотя и на качественно новом уровне. Как известно, в условиях доиндустриальной цивилизации до 90% населения были заняты в сельском хозяйстве при хронической нехватке продуктов питания и периодически возникающих «голодовках» целых регионов, стран и даже континентов. Однако, как впоследствии выяснилось, условием решения продовольственной проблемы, похоронившим «железный закон» Мальтуса, стало ... переселение большей части крестьян в города и, соответственно, их перемещение из сферы сельского хозяйства в промышленное производство. Аналогичным образом, в настоящее время для того чтобы обеспечить удовлетворение основных рационально обоснованных материальных потребностей человека, большая часть работников должна переместиться из сферы материального производства в производство духовное³.

Точно так же, если в условиях классической индустриальной экономики ведущую роль в расширенном воспроизводстве играло так называемое первое подразделение первого подразделения (производство средств производства для производства средств производства), то в условиях постиндустриальной системы аналогичная роль обеспечивается воспроизводством человеческого потенциала и прежде всего образованием⁴. Помимо этого, а отчасти благодаря этому, как было многократно показано отечественными и зарубежными экономистами (С. Г. Струмилин, Э. Денисон), уже в XX в. образование стало областью с наиболее высокой отдачей долгосрочных инвестиций.

В свете всего сказанного представляется возможным высказать следующую гипотезу: одним из главных социально-философских оснований стратегии модернизации современного общества (в том числе, разумеется, и российского) должен стать социально-образовательный детерминизм, который выступает не отрицанием, но новой фазой развития детерминизма социально-экономического, ибо означает не отказ от признания определяющей роли экономической сферы в развитии общества, но признание ведущей роли образования в развитии современной экономики как фундамента общественной жизни.

Забегая вперед, отметим, что эта гипотеза в случае ее принятия в качестве основы управленческих решений предполагает значительные изменения в курсе отечественной социально-экономической политики и внутренней политики в целом.

3. Противоречия федеральной образовательной и научно-инновационной политики в постсоветской России

В российском общественном сознании стало едва ли не общим местом мнение о том, что отечественная социальная реальность — реальность особого рода, которая изобилует пара-

¹ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2002—2003. Роль государства в экономическом росте и социально-экономических реформах. М., 2003. С. 19.

² Там же.

³ Бузгалин А., Колганов А. Теория социально-экономических трансформаций. М.: ТЕИС, 2003. С. 63.

⁴ Бузгалин А., Колганов А. Глобальный капитал. М.: УРФФ, 2004. С. 83.

доксами. Большинство писавших на эту тему, включая столь различных мыслителей, как П. Чаадаев и Н. Бердяев, видели причины такой парадоксальности в особенностях отечественного культурного развития. Намереваясь изложить ниже иную точку зрения, отметим в данном случае, что парадоксами изобилует также отечественная образовательная и научно-инновационная политика постсоветского периода, причем это отнюдь не те парадоксы, другом которых поэт считал гения. Вот лишь некоторые тому примеры.

Парадокс № 1. Утверждение экономического детерминизма в качестве основы отечественной государственной политики посредством критики...«экономического детерминизма».

Общеизвестно: новая экономическая и политическая философия в постсоветской России утверждалась ее «отцами-основателями» как противовес официальному «советскому марксизму». Характеристика последнего не входит в задачи автора, хотя, как представляется, именно к нему вполне применимы известные слова К. Маркса, отказывавшего признать себя «марксистом». В данном случае важно другое: провозглашая основным методологическим пороком отвергаемого марксизма узко экономический подход, на месте отвергнутого «экономического детерминизма» его критики утвердили новую версию... экономического детерминизма. Причем в виде двух примитивизированных его разновидностей: монетаризма и концепции собственности как доминирующего (едва ли не единственного) фактора экономической эффективности.

Во-первых, подобно тому, как на рубеже 1920–1930-х гг. большевики определяли успехи «социалистического строительства» в СССР процентом коллективизации, так и антибольшевики (на самом деле — необольшевики наизнанку) в 1990-х гг. измеряли эффективность рыночных реформ процентом приватизированных отечественных предприятий.

Во-вторых, важнейшим инструментом управления экономикой постсоветскими Правительствами было признано регулирование (точнее, предельное ограничение) объема денежной массы, и тем самым экономический детерминизм, признающий экономику фактором, непосредственно определяющим едва ли не всю общественную жизнь, был не просто сохранен, но редуцирован к детерминизму финансовому. Использование методологии экономического детерминизма, да к тому же в примитивизированной форме, означало, естественно, отнесение образовательной и научно-инновационной политики к периферийным направлениям внутренней политики государства со всеми вытекающими последствиями.

Между прочим, стоит отметить, что часть бывших советских марксистов, критикуя новый экономический подход и доказывая невозможность механического переноса рыночных отношений с Запада на почву иной культуры, в свою очередь, фактически опиралась на социо-культурный детерминизм М. Вебера. Впрочем, с инверсией традиционных методологий и политических платформ в постсоветской России мы еще встретимся.

Парадокс № 2. Коллективный квазидипов комплекс в управленческих структурах.

Вряд ли в отечественной истории удастся найти другой период, подобный постсоветскому, когда бы в составе правящей политической элиты было так много людей с учеными степенями и, вместе с тем, когда бы в мирное время наука и образование оказывались в столь критической финансово-экономической ситуации. Сторонник фрейдистской парадигмы мог бы, вероятно, написать научный трактат о том, как и почему представители научного и образовательного сообщества, попадая из академических сфер во властные структуры, будто обуреваемые комплексом Эдипа, способствуют уничтожению тех, кому они обязаны своим рождением в качестве ученых¹.

Представляется, однако, что фрейдизм, вообще мало продуктивный при объяснении макросоциальных процессов, вообще не имеет отношения к парадоксам отечественной образовательной и научно-инновационной политики, объяснение которым будет дано ниже.

Весь мировой опыт XX в., и в особенности второй его половины, свидетельствует: при сколько-нибудь продуктивном экономическом механизме именно инвестиции в образование в долгосрочной перспективе оказывались наиболее эффективными и определяли успех модернизации общества. Практически все страны, сумевшие добиться на опре-

¹ К середине 1990-х гг. восходит легенда (впрочем, похожая на правду), согласно которой на одном из заседаний правительства премьер В. Черномырдин задал своим коллегам вопрос: «Кто из вас имеет ученые степени? Поднимите руки». А когда выяснилось, что степени имеют все, продолжил риторически: «За что же вы так не любите науку, мать вашу?»

деленных временных интервалах экстраординарных темпов экономического развития (так называемого «экономического чуда»), за несколько лет до этого осуществляли серьезные финансовые «вливания» в сферу образования, во многом «чудо» и порождавшие. В свою очередь, в индустриально развитых странах экономической подъем и сравнительно высокий уровень жизни относительного большинства населения становились базой стабильности и демократии западного типа. Такая закономерность прослеживается в послевоенной истории Германии, Японии, Южной Кореи, Италии.

В отечественной истории аналогичная закономерность, хотя и с учетом качественных различий между общественными системами, также проявлялась на протяжении ряда десятилетий (1930—1960-е гг.). Затем тенденция изменилась в худшую сторону, а в 1990-е гг. стала прямо противоположной.

Так, по оценкам Всемирного Банка, доля расходов на образование в ВВП составляла в СССР в 1970 г. 7%, в США, Франции и Великобритании в середине 90-х гг. — от 5,3 до 5,5%, а в России в 1992 г. — 3,4%. С учетом сокращения ВВП приблизительно вдвое в 1990—1994 гг. расходы на образование в реальном исчислении составили в России середины 90-х гг. не более четверти к уровню расходов 1970 г. Принимая во внимание рост после 17 августа 1998 г. курса доллара почти в 4,5 раза, рост цен — не менее чем в 2,5 раза, при увеличении расходов на образование в федеральном бюджете 1999 и 2000 гг. приблизительно на 75%, а заработной платы работников образования — менее чем на 70%, представляется возможным оценить сокращение реальных расходов на образование в России во второй половине 90-х гг. приблизительно еще в 2 раза.

Согласно заявлению председателя Правительства РФ М. Фрадкова, к началу 2005 г. ВВП на душу населения в России оказался в 3—4 раза ниже, чем в других странах «восьмерки». При этом на здравоохранение в этих государствах затрачивается 6—8% ВВП, а в России — 3%; на образование, соответственно, 4—6% и менее 4%.

«Можно ли в таких условиях рассчитывать, — задал вопрос премьер, — что без дополнительных финансовых вложений социальные реформы дадут ожидаемый эффект?»¹ Ответом на этот вопрос стал, видимо, проект Федерального бюджета на 2006 г., предусматривающий при увеличении федеральных расходов в целом на 40% рост расходов на образование (за вычетом компенсаций федеральным образовательным учреждениям за утрачиваемые налоговые льготы) менее чем на 30%.

Еще более тяжелые потери понес в постсоветский период научный потенциал страны. Приведем мнение экспертов.

«По сравнению с 1992 г. численность научного персонала сократилась почти вдвое: с 1532,6 тыс. человек до 870,9 тыс. человек. К началу 2004 г. в научном секторе исследованиями и разработками занималось 866, 2 тыс. человек. Численность исследователей снизилась с 804,1 тыс. человек до 414,7 тыс. человек, т. е. также почти вдвое. Таким образом, утверждение об оттоке кадров из науки более чем справедливо»². По другим данным, в России число специалистов в сфере НИОКР сократилось с 1,9 млн. в 1990 г. до 772 тыс. в 1999 г., а федеральное финансирование науки в 1990-х гг. — приблизительно в 20 раз.

Несмотря на некоторое расхождение с данными, приведенными М. Фрадковым, авторы «Доклада о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации» рисуют в целом ту же картину: «На науку в России в последние годы направляется 1,6% ВВП. В развитом мире — в среднем не менее 2—2,2%, на образование, соответственно, — около 3% и 6%, на охрану здоровья — 2,4—3,5% и от 8 до 14% ВВП. И это при кратном разрыве в объеме общественного продукта»³.

Как уже отмечалось, согласно стандартам, принятым в индустриально развитых странах, предельно допустимым для национальной безопасности уровнем расходов на науку принято считать 2% ВВП. Что касается расходов на науку, то в 1990 — начале 2000-х гг. они составляли приблизительно 0,3% от ВВП страны. Поскольку в Федеральном бюджете

¹ См. стенограмму пленарного заседания Госдумы 9 февраля 2005 г.

² Сколько стоит Россия / Под ред. И. А. Николаева. М., 2004. С. 220.

³ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2002 — 2003. Роль государства в экономическом росте и социально-экономических реформах. М., 2003. С. 28.

на 2005 г. раздел «Фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу» упразднен, определение этого показателя стало вообще затруднительным.

В Федеральном Законе № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 г. на протяжении восьми лет (1996 — 2004) действовал норматив об обязанности государства выделять на науку не менее 4% расходной части Федерального бюджета, однако в действительности эти расходы не превышали 2%. На совместном заседании Совета безопасности России, Президиума Госсовета и Совета при Президенте РФ по науке и высоким технологиям, которое состоялось 30 марта 2002 г., было принято решение довести расходы Федерального бюджета на науку до 4% к 2010 г. (т. е. поэтапно исполнить закон), а также утвержден график наращивания таких расходов по финансовым годам. Однако Федеральным Законом № 122 от 22 августа 2004 г. (так называемый «закон о монетизации») положение о выделении 4% расходной части Федерального бюджета на науку было из законодательства исключено. Почти одновременно Еврокомиссия приняла рекомендацию к странам — членам Евросоюза: увеличить расходы на науку за счет всех источников до 3% ВВП.

Парадокс № 3. Попытка вхождения в цивилизацию по пятной траектории.

Отечественные политические лидеры (по европейским меркам «новые правые») на протяжении 1990-х гг. постоянно прокламировали намерения «войти в цивилизацию» или догнать ее, но в отношении образования и науки стимулировали движение едва ли не в прямо противоположную сторону. Во всяком случае, противцивилизационные тенденции в политике государства в отношении образования и науки явно преобладали над процивилизационными. Помимо приведенных выше данных о сокращении финансирования образования и науки, а также численности научного персонала, это относится и к такому ключевому направлению политики государства, как отношения собственности.

История образовательной политики индустриально развитых стран, а равно и европейских стран с переходной экономикой, не знает примеров сколько-нибудь массовой приватизации образовательных учреждений. Напротив, история постсоветской России примерами попыток такой приватизации изобилует. Так, в первой половине 1990-х гг. правительственными структурами было разработано не менее пяти законопроектов, направленных на обеспечение «обвальной» приватизации в сфере образования; в 1998 г. — проект приватизации вузов¹; наконец, в 2004 г. — предложения о приватизации учреждений дополнительного профессионального образования².

Между тем, для любого неидеологизированного специалиста последствия массовой приватизации образования очевидны:

— резкое сокращение бюджетного финансирования образовательных учреждений в связи с их превращением в негосударственные и, соответственно, уменьшением государственных обязательств перед ними в юридическом и социально-психологическом плане;

— вследствие этого качественный рост доли платных для гражданина образовательных услуг за счет бесплатных;

— в связи с крайне низким средним уровнем жизни и узостью средних слоев, представители которых способны оплачивать образование, сокращение (возможно, в несколько раз) количества обучающихся, превращение образования в привилегию для избранных;

— по причине дефицита финансов и отсутствия государственного управления превращение образовательной деятельности для многих учебных заведений во второстепенную, вытеснение ее коммерческой деятельностью, распродажа имущества, новый передел собственности под видом ее раздела, который и составляет «тайну» российской приватизации вообще;

— вследствие всех названных и неназванных причин — разрушение системы образования в короткие сроки.

Парадокс № 4. Преумножение критикуемых ошибок прошлого.

Чем более новая, постсоветская власть критиковала ошибки прежней, тем более она их повторяла и умножала. В частности, после массивной критики социальной политики советского периода худшие черты ее последних лет — «остаточный» принцип фи-

¹ Подробнее см. Смолин О. Н. Знание — свобода. М., 1999. С. 85—87, 106—114.

² Подробнее см.: Смолин О. Н. Крестики — нолики // Народное образование. 2005. № 1. С. 20—27.

нансирования культуры, науки, образования и обесценивание высококвалифицированного труда — оказались не преодоленными, но доведенными до логического конца.

Напомню: в 1940 г. зарплата работников образования практически равнялась ее уровню в промышленности (97%); в 1970 г. составляла 72,7%; в 1990 г. — 65%¹; в настоящее время она опустилась почти до 50%². Даже Президент РФ в Послании Федеральному Собранию 2005 г. отметил: «В то же время реальный уровень оплаты труда в этих отраслях все еще ниже, чем в конце 80-х гг., а средняя зарплата в бюджетной сфере значительно ниже средней зарплаты по стране: из 18 ставок единой тарифной сетки 12 — ниже прожиточного минимума, т. е. для большинства работников бюджетных организаций риски попасть в зону бедности крайне высоки. И столь унижительное положение мешает людям эффективно и творчески работать»³.

Учитывая, что в индустриально развитых странах мира зарплата педагогических работников выше средней по стране, совершенно очевидно, что и в этом отношении российские «реформы» имеют противозивилизационный характер.

На протяжении всего десятилетия 1990-х среди различных профессиональных отрядов работники образования и науки по уровню оплаты труда входили в первую пятерку снизу, наряду с работниками здравоохранения, культуры и сельского хозяйства. Лишь к концу первой «пятилетки» XXI в. зарплата в науке превысила среднюю по стране. В апреле 2004 г. ее уровень составил около 8000 рублей или 124% среднего уровня по экономике⁴. Прощитруем еще раз все тот же источник: «Небезынтересно вспомнить, что в Советские времена самую высокую официальную зарплату получал Президент академии наук СССР: 700 руб. по должности плюс 500 руб. за звание академика, так называемую академическую стипендию. Итого получалось 1200 руб. Если учесть, что средний оклад у Первых секретарей обкомов в то время был 500—600 руб. в месяц, становится понятным уровень материального благополучия главного академика. Но тогда и простые ученые хорошо зарабатывали. Сейчас с начала 2003 г. «академическая стипендия» составляет 20 тыс. руб. в месяц (постановление Правительства РФ от 24 октября 2002 г. № 770). Академики РАН не обделены вниманием: надбавка превышает среднюю зарплату в отрасли почти в 3 раза!»⁵

К сказанному стоит прибавить, что, во-первых, зарплата профессора вуза в Советские времена составляла 500 руб., т. е. была сравнима с официальной зарплатой Первого секретаря обкома, а, во-вторых, что 20 тыс. руб. (или 700 долл.) — это достаточно скромный доход менеджера средней руки в более или менее успешно работающей московской фирме.

Как известно, на съезде профсоюза работников образования и науки 4 апреля 2005 г. министр А. Фурсенко говорил о двукратном повышении зарплаты педагогов в течение трех лет. Через три недели, 25 апреля, Президент уточнил: «Считаю необходимым в течение трех лет добиться повышения доходов «бюджетников» в реальном выражении не менее чем в 1,5 раза. То есть в ближайшие годы зарплаты «бюджетников» должны расти как минимум в 1,5 раза быстрее, чем цены на потребительские товары». 15 июня в Госдуме министр образования и науки утверждал, что между его обещаниями и заявлением Президента нет никакой разницы. Однако это, мягко говоря, не совсем так.

Во-первых, простой расчет показывает, что при 10%-ой инфляции (без учета сложных процентов) зарплата педагогов, при оптимистической интерпретации слов Президента, вырастет на 80% (50% + 10% x 3). Если же верить прогнозам Правительства об инфляции, убывающей по 2% в год, получается и того меньше: 50% + 10% + 110% x 8% + + 118,8% x 6% = 76% (округленно).

Во-вторых, Президент поставил задачу приблизить зарплату «бюджетников» к средней зарплате в стране, даже не вспоминая только что отмененную статью 54 Закона РФ «Об

¹ См. *Смолин О. Н.* Знание — свобода. М., 1999. С. 164.

² По данным Федеральной службы государственной статистики в 2003 г. это отношение составило 51%.

³ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва. Кремль. 25 апреля 2005 г.

⁴ Сколько стоит Россия // Под ред. И. А. Николаева М., 2004. С.222.

⁵ Там же. С. 222.

образовании», согласно которой ставки педагогических работников должны быть выше средней зарплаты в промышленности. Легко подсчитать, что при современных темпах экономического роста и в 2008 г. зарплата (а не ставка) педагога не превысит 2/3 зарплаты производственников.

Главное же совершенно очевидно: будет ли начинающий российский учитель, работающий на одну ставку, через три года получать вместо полутора тысяч три тысячи рублей в обесцененных деньгах или, в пересчете на современные деньги, две с небольшим тысячи, качественно это ничего не изменит. Никакого прогноза насчет того, как именно и в какие сроки будет повышаться заработная плата в 2006—2007 гг., министр не привел. Созданная по этому вопросу рабочая группа депутатов Госдумы, в состав которой входит автор, в весеннюю сессию 2005 г. не собралась ни разу.

Напомню: дополнительные доходы Федерального бюджета (618 млрд. руб. в 2004 г., 882 млрд. руб. в первом полугодии 2005 г., т. е. в пересчете на год немногим менее двух триллионов, 776 млрд. руб. по проекту Федерального бюджета на 2006 г.) позволяют увеличить зарплату интеллигенции не в 1,5, а в несколько раз, и немедленно, а не за три года.

Предложенный автором в качестве социально-философского основания стратегии модернизации России социально-образовательный детерминизм, среди прочего, предполагает и более высокий (по сравнению с теми, кто создает вещное богатство) уровень оплаты труда тех, кто формирует человеческий потенциал как главный двигатель постиндустриальной экономики. «От противного» доказательством этому тезису может служить тот факт, что индекс развития человеческого потенциала в России в последние годы регулярно оказывается ниже, чем, например, в Белоруссии, где зарплата работников образования составляет 90% от ее уровня в промышленности.

Парадокс № 5. Инверсия политических противоположностей — синдром «казарменного» либерализма и «либерального» социализма.

Согласно стандартным представлениям (впрочем, справедливым лишь отчасти), в условиях классической расстановки политических сил, социалисты, руководствуясь принципом справедливости, стремятся к созданию социальных гарантий для большинства населения путем перераспределения доходов граждан через бюджет (как иногда говорят, предпочитают делить «рыбу»). Напротив, согласно тем же представлениям, либералы ориентируются на стимулирование экономической активности граждан, создавая им возможности самостоятельно зарабатывать деньги (в аналогичных терминах — раздают «удочки»).

В противоположность этому, в постсоветской России образовательная и научно-инновационная политика правящей элиты, регулярно прокламирующей проведение радикальных либеральных реформ, тяготела, скорее, к принципу: ни «рыбы», ни «удочек». В то же время представители левой (в том числе социалистической) оппозиции регулярно отстаивали свободу для участников образовательной и научно-инновационной деятельности, включая свободу экономическую. Вот лишь один пример.

Как известно, в индустриально развитых странах организации, отнесенные к некоммерческому сектору, включая образовательные и научные, налогов не платят вовсе либо пользуются широким спектром налоговых льгот. Среди прочего, такие льготы используются в целях привлечения в некоммерческий сектор частных инвестиций и создания тем самым системы многоканального финансирования образования и науки. Напротив, отечественные «радикальные реформаторы» на протяжении 1990-х г. пытались ликвидировать (а в начале XXI в. в значительной степени ликвидировали) систему налоговых льгот для образовательных учреждений и научных организаций, восходящую в России к Указам Петра I. В постсоветский период эта система была предложена и долгое время защищалась парламентскими комитетами по образованию и науке, которые по составу депутатов и персоналиям руководителей представляли, преимущественно, левую политическую оппозицию.

Между прочим, рассчитанный Комитетами по образованию и науке Госдумы II и III созывов на основе результатов голосований по всем законам и законопроектам, связанным с образованием, рейтинг поддержки образования депутатскими объединениями оказывается неизменно высоким в левой части политического спектра (постоянно лидировала фракция КПРФ) и столь же неизменно низким в его правой части (последние места регулярно занимали фракции «партии власти»). При этом деление на левых и правых

осуществлялось не в соответствии с самоидентификацией политических течений, но на основе их реальной политики (так, например, если оценивать не PR-декларации, а политические инициативы и результаты голосований, партия «Единая Россия» оказывается заметно правее, чем «Союз правых сил», не говоря уже о «Яблоке»)¹. Именно голосами фракций «Единство» — «Единая Россия», «Отечество» — «Единая Россия», ЛДПР, а временами и «Союза правых сил» и др. в третьей Госдуме, а также фракции «Единая Россия» в Госдуме четвертого созыва были приняты все законы, направленные на ликвидацию налоговых льгот для образовательных учреждений и научных организаций, и, соответственно, отклонены поправки, призванные обеспечить сохранение таких льгот.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство: представление о том, что все должны платить одинаковые налоги (образование наравне с табачными компаниями, медицина — с водочными, а инвалиды — с «новыми русскими»), наряду с квазиэгалитарной ваучерной приватизацией, выступает как очевидная политическая инверсия и пример того, как стереотипы примитивного «казарменного» коммунизма могут использоваться для введения не менее примитивного «дикого» капитализма с его колоссальным социальным неравенством.

Парадокс № 6. Сочетание юридического фетишизма с юридическим нигилизмом.

На протяжении 1990-х гг. и в первые годы XXI столетия корни многочисленных проблем в образовательной и научно-инновационной политике массовое сознание (в том числе общественное мнение соответствующих профессиональных сообществ) нередко склонно было видеть в отсутствии или недостатках законодательной базы. На те же недостатки обычно ссылались и представители исполнительной власти, по большей части игнорируя в то же время действовавшие законы.

Так, все минимально необходимые для развития систем образования и науки законодательные решения были приняты еще в 1990—1996 гг., причем на уровне как парламентской, так и президентской ветвей власти. Однако они и не исполнялись, и не отменялись. Постоянно провозглашая приверженность правовому государству, исполнительная власть делала вид, что законы для нее не писаны, либо объявляла эти законы «популистскими», «неисполнимыми», «некачественными» и т. п. Сказанное относится прежде всего к большому количеству норм и нормативов финансового характера, а также норм социозащитного характера в отношении обучающихся и работников обеих систем.

Ситуация изменилась лишь в начале XXI в. с появлением в третьей Госдуме достаточно прочного проправительственного большинства (так называемая «большая четверка», включавшая фракции «Единство», «Отечество — вся Россия», депутатские группы «Народный депутат» и «Российские регионы», а также по обыкновению примыкавшую к правительственному блоку фракцию ЛДПР). В этот период исполнительная власть могла уже позволить себе в значительной степени отказаться от юридического нигилизма, введя практику ежегодного приостановления всех предусмотренных законами, но не финансируемых, социальных обязательств при принятии Федерального Закона о Федеральном бюджете на очередной год.

Однако лишь вступление в силу ФЗ № 122 от 22 августа 2004 г. придало действиям Федерального Правительства легальный характер, разумеется, не путем поэтапного исполнения действовавших законов, но посредством их отмены. Этим невиданным в истории парламентаризма законодательным актом в общей сложности полностью или частично отменены 112 Федеральных Законов и иных нормативных правовых актов социального характера, а также внесены изменения (как правило, снижающие уровень социальных гарантий) в 152 таких акта.

Несмотря на все усилия представителей образования в Парламенте:

¹ Подробнее о рейтингах поддержки образования и результатах голосования по соответствующим законам, законопроектам, поправкам см.: *Смолин О. Н.* Знание — свобода. М., 1999. С. 43—53; *Смолин О. Н.* Излом: иное было дано? М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 2001. С. 278—295; *Смолин О. Н.* Чего стоит депутатская любовь к образованию? (рейтинг фракций и групп Государственной Думы третьего созыва) // *Русский мир.* 2003. № 6. С. 10—18; *Смолин О. Н., Комаров А. Е.* Стратегии образования: различия позиций депутатских объединений Государственной Думы // *Социс.* 2003. № 4; *Смолин О. Н.* Образовательная политика в Госдуме второго и третьего созывов: реальные позиции фракций и депутатских групп // *Народное образование.* 2003. № 2. С. 25—33.

— 3,5 млн. внебюджетных студентов государственных и негосударственных вузов рискуют получить скачкообразное повышение платы за обучение вследствие предполагаемой отмены налоговых льгот для образовательных учреждений (в том числе по налогу на имущество и земельному налогу — с 1 января 2006 г.);

— каждому седьмому бюджетному студенту грозит лишение права на бесплатное образование (в законе, правда, сохранена норма, согласно которой Россия обязана обучать за счет федерального бюджета не менее 170 студентов на 10 тыс. населения, однако исключено положение о запрете сокращать такие бюджетные места. Следовательно, Правительство получило право снизить их количество с 204 на 10 тыс. в настоящее время до 170, установленных законом);

— работники учреждений образования, здравоохранения, культуры и системы социальной защиты (за исключением учреждений федеральных) потеряли практически все государственные гарантии оплаты труда, кроме ее минимального уровня, устанавливаемого Федеральным Законом.

Помимо этого, полностью отменены федеральные законы:

— «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию»;

— «О компенсационных выплатах на питание обучающихся в государственных, муниципальных общеобразовательных учреждениях, учреждениях начального профессионального и среднего профессионального образования»;

— «О льготе на проезд на междугородном транспорте для отдельных категорий обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях»;

— «О социальном развитии села» (в нем, в частности, была предусмотрена 25%-ная надбавка к зарплате для сельской интеллигенции, включая учителей, врачей и работников культуры);

— Постановление Верховного Совета РСФСР, регулировавшее уровень родительской платы за содержание детей в дошкольных образовательных учреждениях.

В тех же законах в области образования, которые не были отменены полностью, подверглись «секвестру»:

— статья «Государственные гарантии приоритетности образования»;

— положение, устанавливающее уровень оплаты труда педагогических и иных работников системы образования на уровне не ниже средней в промышленности;

— нормы, устанавливавшие право студентов вузов на бесплатный проезд к месту учебы и обратно, а также доплаты к стипендиям на питание. И т. д., и т. п., и пр.

Потери науки в результате принятия ФЗ № 122 оказались меньшими, но все же весьма значительными. Из Федерального Закона «О науке и государственной научно-технической политике» были, в частности, исключены два важных положения:

— об обязанности государства выделять на научные исследования не менее 4% от расходной части Федерального бюджета;

— о праве субъектов Российской Федерации финансировать и организовывать научные исследования (эту норму позднее частично удалось восстановить).

Возвращаясь к предыдущему парадоксу, стоит заметить, что ФЗ № 122 разрушил одновременно и социальные, и общедемократические (либерально-демократические) основы образовательного законодательства и законодательства в области науки. В результате его принятия из соответствующих законов были «вычищены» нормы не только «защитного» характера, но и положения, гарантировавшие академические свободы участникам образовательного процесса и экономические свободы образовательным учреждениям и научным организациям. Логика авторов закона оказалась не социальной, не либеральной и даже не бюрократической в смысле веберовской «рациональной бюрократии». Эта логика знаменует реинкарнацию бюрократии азиатской и отражает процесс «негативной конвергенции», т. е. объединения пороков (вместо достоинств) основных общественных систем XX в. (бюрократического социализма и первоначального и не менее бюрократического капитализма).

Итак, спустя почти 15 лет постсоветской истории парадокс сочетания юридического фетишизма с юридическим нигилизмом ушел в прошлое, однако образовательная и научно-инновационная политика от этого не выиграли: курс на понижение (или, в лучшем

случае, торможение развития) уровня человеческого потенциала отныне проводится в стране не вопреки закону, но на законном основании.

Парадокс № 7. Консерватизм как фактор модернизации.

В результате реализации принципов радикального экономического детерминизма во внутренней политике государства в постсоветский период российская наука и система образования оказались в более тяжелом финансово-экономическом положении, чем многие отрасли экономики и социальные институты. Однако уровень их деструкции значительно меньше, а эффективность — существенно выше по сравнению с аналогичными социальными системами. В свое время это было признано такими организациями, как Мировой банк, специалисты которого в 1994 г. отмечали более высокий в среднем уровень знаний российских школьников в области естествознания и математики, чем во многих государствах организации экономического сотрудничества и развития, а также ЮНЕСКО, под эгидой которой на базе российских вузов выполнялся целый ряд международных проектов в рамках всемирного десятилетия образования.

В этой связи вполне обоснованным представляется следующий тезис: помимо исходного высокого уровня в советский период, помимо специфической мотивации и исключительного чувства ответственности ученых и педагогических работников, сформированного, в частности, полутрадиционной авторитарной советской общественной системой, именно инерционность, консерватизм данных социальных институтов, обеспечивая сохранение духовного потенциала нации, оставляет России шансы на модернизацию в будущем. Напротив, радикальная революционная ломка образовательных и научных институтов привела бы к безнадежному отставанию от наиболее передовых стран. Видимо, отечественная образовательная и научно-инновационная политика — это тот редкий случай, когда справедливой оказывается формула Франца Йозефа Штрауса: быть консерватом — значит маршировать во главе прогресса!

4. Ключ к парадоксам: концепция революции как исторической ситуации

Как уже отмечалось, современные исследователи в большинстве случаев ищут ключ к объяснению противоречий отечественного политического процесса, включая образовательную и научно-инновационную политику, в российской культурной традиции в широком смысле этого слова.

Так, один из крупнейших специалистов по истории и теории культуры, сторонник семиотического подхода Ю. Лотман отмечал: «Идея самостоятельности экономического развития в Западной Европе органически связывалась с постепенным развитием во времени, с отказом от «подстегивания истории». В наших условиях этот же лозунг отягощен идеей государственного вмешательства и мгновенного преодоления пространства истории в самые сжатые сроки... Даже постепенное развитие мы хотим осуществить, применяя технику взрыва. Это... — суровый диктат бинарной исторической культуры!»¹.

Не подвергая сомнению справедливость подобного утверждения, хотелось бы вместе с тем заметить, что сама отечественная ментальность («бинарная культура») во многом сформировалась под действием катастроф, включая войны и революции. Следовательно, путь выхода из логического круга лежит через поиск тех социально-исторических причин, которые обусловили одновременно и обилие революций, и соответствующий национальный менталитет.

Политико-ситуационный анализ

Изучение политических процессов в обществах, переживающих радикальные трансформации, требует не только критического использования основных парадигм социогуманитарной науки и применения известных научных методов, но и разработки новых методов, соответствующих объекту и предмету исследования. Одним из них может служить специально разработанный автором метод политико-ситуационного анализа, который, в частности, предполагает:

— выявление характеристик и закономерностей исторических ситуаций (наряду с закономерностями исторического процесса как целого и закономерностями различных социальных систем);

— определение множеств таких характеристик и закономерностей, каждое из которых описывает определенный тип исторических ситуаций и никакой другой;

¹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гносис, издательская группа «Прогресс», 1992. С. 270.

— использование одного из таких множеств в качестве критерия отнесения исследуемой исторической ситуации к определенному типу;

— прогнозирование на основе параметров и закономерностей данного типа исторической ситуации основных сценариев ее развития и наиболее вероятного из них.

Именно этот метод автор использовал для анализа отечественного политического процесса первой половины 1990-х гг., что позволило сделать нетривиальный вывод о характере отечественного политического процесса, — вывод, который в последнее время находит все большее признание, подтверждая справедливость гегелевского замечания: истина рождается как ересь и умирает как предрассудок.

Реформа или революция

Социально-политические трансформации, происходившие в нашей стране в течение последних лет (начиная с прихода к власти М. Горбачева), в официальных политических документах и иной литературе в большинстве случаев квалифицируются как радикальные реформы. Между тем, политическая наука определяет социальную реформу как изменение какой-либо существенной стороны жизни общества при сохранении основ его экономического и государственного строя. Поскольку же и в экономике, и в государственном строе России в названный период произошли действительно коренные преобразования, определять характер всех этих изменений как реформистский не представляется возможным. В действительности, **в различные периоды новейшей российской истории в стране происходили как эволюционные, реформистские, так и революционные преобразования.**

Наряду с господствующей оценкой российского социально-политического процесса 1990-х гг. в качестве периода реформ, в литературе встречаются следующие его характеристики:

революция (с различными, подчас противоположными определениями);
контрреволюция;
реставрация;
антиреволюция;
смута и др.

Помимо идейно-политических воззрений авторов, придающих понятиям «революция», «контрреволюция», «реставрация», «реформы» ярко выраженный аксиологический аспект, помимо сложности и незавершенности самого процесса, такая разноречивость оценок обусловлена тем, что при кажущейся терминологической очевидности в эти понятия вкладывается весьма различное содержание.

По количеству определений термин «революция» вряд ли может сравниться с такими социально-философскими понятиями, как «общество», «цивилизация», «культура» или «личность», однако термин этот весьма многозначен, причем различные его значения наиболее четко раскрываются при логическом анализе понятия революции в парах с соотносительными категориями.

На общефилософском уровне исследования **в паре «революция — эволюция»** первая выступает как скачок-переворот (взрыв), как быстрое, стремительное, качественное изменение, преобразующее сущность системы; вторая — как постепенное количественное изменение при сохранении сущности или как постепенное качественное изменение. С этой точки зрения, социально-политический процесс в России 1990-х гг., как и аналогичные процессы в бывших социалистических странах, несомненно, представляет собой революцию. Достаточно указать на:

применение «шоковой терапии», в результате которого произошло «взрывное» движение от сверхцентрализованной экономики к практически нерегулируемой;

обвальный характер приватизации, темпы которой на порядок превосходили по интенсивности аналогичные процессы в индустриально развитых странах (например, в Великобритании в период правления М. Тэтчер) при противоположном социально-экономическом результате;

разрушение прежней государственности (Советского Союза);

политические перевороты, а также малую гражданскую войну в Москве (октябрь 1993 г.) и две локальные гражданские войны в Чечне (декабрь 1994 — август 1996 и август 1999 — март 2000), которые обычно являются верными спутниками революций, и т. п.

На уровне политологического анализа **в паре «революция — реформа»** выделяется целый ряд характеристик, по которым различаются эти категории:

- революция — коренное преобразование, реформа — частичное;
- революция радикальна, реформа более постепенна;
- революция (социальная) разрушает прежнюю систему, реформа сохраняет ее основы;
- революция осуществляется в значительной мере стихийно, реформа — сознательно (следовательно, в известном смысле реформа может быть названа революцией «сверху», а революция — реформой «снизу»).

С теоретической точки зрения важным во всех этих определениях является однозначная характеристика реформ как переустройства отдельных сторон, элементов системы, не затрагивающего ее основ, очевидная для подавляющего большинства специалистов. Впрочем, те же специалисты, переходя к анализу политических процессов в России, дружно называют реформами коренную ломку предшествующего общественного строя!

С точки зрения историко-социологической, в паре **«революция — реставрация»** революция интерпретируется как переход к новому типу общества (социетальной системы, цивилизации, формации), а реставрация — как возвращение к его прежнему типу. В этом смысле российские «реформы» 1990-х гг. если и не представляли собой прямую попытку реставрации дооктябрьской общественной системы, то, по крайней мере, содержали ярко выраженные реставрационные тенденции, по силе соперничавшие с модернизационными, а иногда их превосходившие.

Эти реставрационные тенденции проявлялись прежде всего в знаковой форме, в отношении к прежним символам: возвращение дореволюционного флага и герба; восстановление топонимов; коренное изменение отношения к символическим историческим фигурам (превращение большинства царей, несмотря на прокламируемые демократические ценности, из дьяволов в героев, а большинства генеральных секретарей — из героев в дьяволов); восстановление храмов и демонстративная религиозность политических лидеров и т. п.

При этом некоторые реставрационные проявления приобретали алогичный, полукурьезный, а то и трагикомический характер, лишней раз доказывающий справедливость гераклитова афоризма о невозможности вступить в одну реку дважды. Хорошо известно, например, что станции московского метро никогда никаких названий, кроме советских, не имели. Топонимы же типа Санкт-Петербург в Ленинградской области либо Екатеринбург Свердловской области невольно вызывают в памяти сатирико-фантастический рассказ о том, как в главном городе Старосибирске улица Красных партизан была переименована в Белобандитский проспект. Не менее парадоксально выглядит строительство «новоделов» на фоне продолжающегося разрушения действительно старинных храмов.

Еще более парадоксально выглядят попытки восстановления существовавших в дооктябрьской России социальных отношений и институтов — от сословий до монархической власти. Разумеется, мало кто станет возражать против освоения и развития культурного наследия дворянской интеллигенции или традиций казачества как особого российского субэтноса. Но когда поднимается вопрос о придании дворянам или казакам статуса сословий в качестве условия развития «новой России», то полезно чаще вспоминать азбучные истины социологии, согласно которым сословный тип социальной стратификации является признаком доиндустриальной средневековой цивилизации (феодализма), тогда как руководство постсоветской России неоднократно заявляло о намерении двигаться к цивилизации постиндустриальной.

В историко-аксиологическом аспекте в паре **«революция — контрреволюция»** первое из этих понятий означает прогрессивное преобразование, качественный скачок в движении общества вперед, тогда как второе — преобразование регрессивное, откат назад. Поскольку возникновение качественно новой общественной системы не всегда прогресс, а восстановление прежней не всегда регресс (революции тоже бывают консервативными), понятия реставрации и контрреволюции взаимосвязаны, но не тождественны. Последнее, подобно понятиям «прогресс» и «регресс», имеет ярко выраженный аксиологический акцент. В силу этого оценка тех или иных исторических событий как революционных или контрреволюционных является относительной и определяется двумя группами факторов: во-первых, объективными последствиями этих событий для общества, которые нередко выявляются спустя многие десятилетия; во-вторых, мировоззренческими и научными позициями исследователя, включая его отношение к проблеме общественного прогресса и методам преобразования общества.

В последнее время предприняты попытки, рассматривая проблему на политико-философском уровне, вынести ее решение за рамки традиционной «системы координат», введя для обозначения событий 1985—1991 гг. в Восточной Европе и Советском Союзе понятие «антиреволюция». При этом главный аргумент в пользу введения нового термина заключается в том, что эти события не только положили конец революционному циклу, связанному с Октябрем 1917 г., но и завершили целую эпоху революционности, порожденной Просвещением, более того, положили конец самой логике просветительской модернизации и связанной с ним революционности. «Изживание «просветительского революционизма», — отмечает Р. Саква, — означает отнюдь не то, что больше не будет восстаний, переворотов, мятежей и бунтов, а то, что изменился философский смысл подобных событий»¹, а именно: «отсутствует универсальная система светских догматов, которая могла бы подкрепить надежды на то, что политический переворот откроет путь в царство справедливости, заложит основы лучшего мира»².

При этом, согласно Р. Сакве, «отказ от революционного социализма был не «революцией наоборот»..., или сокращенно, контрреволюцией, а «противоположностью революции»..., т. е. оппозицией революционному процессу как таковому»³. Аргументируя данный тезис, автор концепции называет два, по его мнению, кардинальных различия между антиреволюциями и контрреволюциями: «во-первых, они (антиреволюции — *О.С.*) пытались преодолеть реальные революции, произошедшие в соответствующих странах в 1917 и 1945—1948 гг., и, во-вторых, они полностью отвергли всю логику революционного мышления, подчинявшую себе воображение европейцев на протяжении почти двух столетий»⁴.

Позиция Р. Саквы приведена здесь столь подробно не только вследствие ее оригинальности, но и для того, чтобы предоставить возможность читателю самостоятельно убедиться в не слишком высоком качестве ее аргументации.

Во-первых, едва ли не единственным реальным основанием этой концепции служит сравнительно мирный, «бархатный» путь осуществления большинства революций 1989—1991 гг. Однако этого явно не достаточно для радикальных выводов об «антиреволюционных революциях», ибо возможность мирного осуществления революций признавалась и прежде, в т. ч. даже такими радикальными революционерами, как основатели марксистской теории. Сказанное в значительной мере относится и к тезису о снятии противоположности между реформами и революцией. Такая противоположность в качестве абсолютной существовала лишь в головах революционеров-догматиков, тогда как в реальной жизни реформы нередко перерастали в революцию и практически всегда ее сопровождали, завершая в постреволюционный период процесс трансформации одной общественной системы в другую.

Во-вторых, не более убедительными выглядят аргументы в защиту отличий антиреволюции от контрреволюции: достаточно напомнить, что те, кого Ж. Кондорсе в конце XVIII в. именовал контрреволюционерами, также искали свои социальные идеалы не в будущем, но в прошлом (своей страны) или настоящем (феодальной Европы).

В-третьих, осуществление новейших революций в индустриальных обществах и к тому же в мирное время действительно отличается их от большинства предшественниц. Однако отсюда вовсе не следует, будто эти революции кладут конец просветительскому пониманию модернизации. Скорее, наоборот: их лидеры почти повсеместно выдвигали лозунг «возвращения в цивилизацию», представляющий собою по сути вариант хрущевского призыва «Догнать и перегнать», но не за счет более быстрого развития системы, а путем кардинального изменения типа общественного развития.

Логика поведения новейших российских «антиреволюционеров» по всем остальным параметрам, включая готовность к применению насилия, воспроизводила логику поведения их предшественников, несмотря на противоположную направленность социального действия и бесконечные заявления о разрыве с традициями прошлого. Возможно, имен-

¹ Саква Р. Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989—1991 годов // Полис. 1998. № 5. С. 24.

² Там же.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 26.

но эти заявления Р. Саква и принял за сущность процесса. Более того, утверждение о преодолении просветительской логики представляется безнадежно оптимистичным и в отношении политических лидеров индустриально развитых стран: войны в Югославии, Афганистане и Ираке убедительно показали, что и среди них преобладает революционно-просветительское стремление «железной рукой загнать человечество к счастью».

Наконец, в-четвертых, что касается легкости осуществления «договорных революций», то она находит свое вполне реалистическое объяснение в бюрократическом характере этих революций.

Термин «смута», нередко используемый для характеристики современного этапа российской истории, не может быть определен через оппозицию к термину «революция», хотя некоторые авторы располагают его в категориальном треугольнике: «революция — инволюция — смута»¹.

В действительности термин «смута», во-первых, представляет собой, скорее, образную характеристику, чем научную категорию либо понятие, характеризующее совокупность конкретных исторических событий, но не категорию политической или социологической науки. Во-вторых, при самых разнообразных трактовках применение данного термина к современному периоду российской истории некорректно, ибо это явно период революции либо инволюции (деградации, разложения). По логике вещей, смута должна заканчиваться восстановлением статус-кво с незначительными отклонениями в ту или иную сторону. В России же восстановление прежней системы невозможно.

Как уже отмечалось, в 90-е гг. XX в. термин «революция» для характеристики происходивших в стране процессов практически не применялся. Однако в начале нового века отказ от использования термина сменился его апологией, причем инициатива исходит как раз от тех, кто 10—15 лет назад не только в значительной степени определял характер трансформационных процессов, но и присвоил им наименование реформ, утверждая, что «Россия лимит на революции исчерпала».

Так, бывший помощник первого Президента России М. Краснов, отвечая на вопрос: «Что произошло в России в последнее десятилетие XX века?» заявляет: «Произошла революция. Причем Великая революция, т. е. масштабная смена общественного и государственного строя, всего уклада жизни»². Ему вторит Г. Саттаров, другой помощник Б. Ельцина, отмечающий, что «общество, которое не умеет вовремя осуществить эволюцию, заслуживает революции», называющий события конца XX в. «наша великая буржуазная российская революция» и прогнозирующий ввиду ее незавершенности новые революции³.

Новое обращение к термину «революция» объясняется, на наш взгляд, следующими причинами:

а) период революционных преобразований в России завершен, наступил период стабилизации и реформирования постреволюционного политического режима. В новых исторических условиях правящей элите нет необходимости скрывать характер произошедшей в стране трансформации. Не случайно Президент РФ В.В. Путин уже в одном из телевизионных выступлений в октябре 2002 г. назвал события начала 1990-х гг. «бархатной» революцией;

б) если в конце 80-х — первой половине 90-х гг. прошлого века был дискредитирован термин «революция», то к началу XXI в. дискредитированным оказался и термин «реформа». Ныне в массовом сознании этот термин прочно ассоциируется прежде всего с ухудшением социально-экономического положения.

Итак, популярное на рубеже 1980—90-х гг., особенно в зарубежной публицистике, выражение «вторая русская революция» гораздо точнее отражает характер российского социально-политического процесса, чем термин «реформы». Самой слабой частью этой характеристики является порядковое числительное, ибо в зависимости от принятой системы отсчета и объема понятия (революция социальная или только политическая, предполагающая смену лидеров или резкий поворот политического курса) «вторая русская революция» может оказаться как третьей (после 1905 и 1917 гг.), так и шестой (после 1905,

¹ См. Ландау Г. Революция, бунт, смута // Новое время. 1994. № 40. С. 43—45.

² Эволюция российской государственности. М., 2001. С. 9.

³ Там же. С. 44, 45.

февраля 1917, октября 1917, перехода к НЭПу и сталинского перелома), а скорее всего должна рассматриваться в контексте революционной эпохи (1917 — 1997 гг.).

Революция как историческая ситуация

Суть любой революции как исторической ситуации (независимо от конкретной расстановки общественных групп и их интересов) в ее чрезвычайном и первоначально деструктивном характере, который жестко навязывает участникам событий определенные направления деятельности, методы борьбы и стереотипы отношений, но вместе с тем может содержать в себе колоссальные инновационные потенциалы. Пока революция не началась, пока все идет «штатно», деятельность людей подчинена обычным нормам и происходит под контролем давно сформировавшихся социальных институтов. Но как только «механизм революции» запущен, привычные законы человеческой деятельности или работают «вхолостую», или подвергаются отрицанию, реализуясь с точностью до наоборот. Неким слабым аналогом могло бы быть сравнение работы человеко-машинных систем в привычном режиме и в режиме аварийном. Иначе говоря, у революции свои признаки и законы, принципиально отличные от параметров функционирования социальных систем и существенно отличные от признаков и закономерностей революционной ситуации, предшествующей революции во времени.

Чаще всего общие ситуационные закономерности революций — системно или бессистемно, в «сборе» или по отдельности, с теоретическим обоснованием или без него — уже назывались в работах теоретиков левого и правого направлений, убежденных адептов «религии революции» или ее не менее убежденных противников. Однако именно в силу политической остроты вопроса, во-первых, существует сравнительно мало примеров объективного, неидеологизированного его изучения, а во-вторых, общие ситуационные закономерности революций обычно принимаются за конкретно-исторические и довольно часто — сознательно или бессознательно — приписываются лишь той (или тем) революции, идеология которой противоречит убеждениям аналитика. В особенности это относится к так называемым «первородным грехам» революции, которые легко и уверенно прозреваются сквозь толщу десятилетий (или даже столетий), но никак не обнаруживаются в революции, современником которой является иной автор. Впрочем, теоретики в данном случае идут за политиками и подчиняются той же ситуационной закономерности.

Подобно другим типам исторических ситуаций, революции обладают повторяемостью как в синхроническом (по «горизонтали»), так и в диахроническом (по «вертикали») плане. Последний, «диахронический» аспект повторяемости имеет в данном случае особое значение, поскольку, во-первых, в силу чрезвычайного характера данного типа исторических ситуаций и других факторов социокультурные особенности данной системы сказываются в эти периоды значительно меньше, чем во времена спокойного развития. Во-вторых, «жесткость» ситуационных закономерностей во время революции значительно возрастает. Именно поэтому Франция 1789—1794 гг. по многим параметрам политического процесса гораздо более походит на Россию 1917—1921 гг., чем на современные ей (Франции) Германию или Великобританию.

Согласно разработанному автором политико-ситуационному подходу, любая социально-политическая революция в качестве исторической ситуации обладает определенным набором признаков и может рассматриваться: как бифуркация; как катастрофа (или серия множественных катастроф); как радикальное отрицание; как всеобщий конфликт; как аномия; как «праздник»; как фактор глобальной мифологизации массового сознания; как процесс смены политических элит; как трансформация политического режима революционной демократии в режим революционного (или постреволюционного) авторитаризма. При этом необходимо иметь в виду, по крайней мере, три обстоятельства.

Во-первых, каждая из названных характеристик и закономерностей с той или иной степенью интенсивности проявляется в любой революции нового и новейшего времени, т. е. в тех типах социальных революций, которые включают в себя революции политические.

Во-вторых, ни один из этих параметров не может считаться исключительной принадлежностью данного типа исторических ситуаций. Напротив, некоторые из них в отдельности или в определенной избирательной совокупности наблюдаются и в других типах исторических ситуаций (ситуации кризисов, войн, реформ, катастроф и т. п.). Так, би-

фуркации в истории человечества могут быть связаны не только с социальными и политическими, но и с технологическими революциями; отрицание ярко проявляется в периоды реформ, смены культурных стилей или научных парадигм; аномия — в периоды войн, катастроф, разложения прежней системы; выдвигание мифов и утопий — во время генезиса новой социетальной системы и опять-таки в периоды реформирования.

В-третьих, полным набором названных характеристик и закономерностей не обладает ни один другой тип исторических ситуаций. В совокупности эти параметры дают то системное качество, которое характеризует только данный тип исторических ситуаций и никакой другой.

Ключ к парадоксам

Представляется, что именно концепция революции как исторической ситуации и соответствующая интерпретация отечественного социально-политического процесса первой половины 1990-х гг. более полно и глубоко, чем другие концептуальные объяснения, позволяет понять причины описанных выше парадоксов образовательной и научно-инновационной политики. Например:

— множественные революционные катастрофы (прежде всего экономическая и финансовая), а также закон смены политических элит и характер его проявления в России, в значительной мере объясняют квазиэдипов комплекс в управленческих структурах, т. е. обвальное сокращение уровня государственной поддержки образования и науки;

— именно логика революционного отрицания дает ключ к пониманию попытки догнать цивилизацию по попятной траектории и инверсии политических противоположностей, включая феномен «казарменного либерализма». Тот же феномен, связанный с нарастанием бюрократизации квазилиберальной политики, объясняется закономерностью смены революционной демократии постреволюционным авторитаризмом;

— всеобщее радикальное отрицание прошлого в сочетании с мифологизацией массового сознания дает возможность истолковать феномен смены «советского марксизма» новыми разновидностями радикального экономического материализма, включая монетаризм;

— революционная аномия, наряду с другими ситуационными характеристиками революции, выступает причиной парадоксального сочетания юридического фетишизма с юридическим нигилизмом; и т. д. и т. п.

Особенность развития отечественных систем образования и науки заключалась в следующем: несмотря на деструктивное воздействие социальной реальности, в первой половине 1990-х гг., в отличие от социума в целом, они переживали не революцию, но реформы. Помимо отмеченной уже высокой инерционности этих общественных институтов, одним из факторов, смягчивших последствия «второй русской революции», в данном случае стало законодательство.

Хотя правовые механизмы воздействия на образовательную и научно-инновационную политику всегда ограничены экономическими, институциональными, политическими и нравственно-идеологическими рамками (а в ситуации революции ограничены вдвойне), в 1990-х гг. законодательство в сфере образования и, в меньшей степени, науки сыграло роль буфера между революционно изменяющейся социальной и инерционной образовательными системами. В частности, принятые федеральные законы, несмотря на хроническое неисполнение содержащихся в них норм, позволили в целом удержать образовательную и отчасти научно-инновационную политику в рамках реформ и тем самым защитили обе системы от революционного разрушения, которому подверглись многие отрасли производства и социальные институты.

В действительности именно сохранение реформистского характера образовательной и научно-инновационной политики в рамках революционного изменения социально-экономической и политической системы в целом объясняет тот отмеченный выше общепризнанный факт, что состояние российского образования и науки в настоящее время лучше, чем большинства других социальных институтов, и представляет собой главный результат деятельности законодателя.

Тем не менее, результаты социально-политической революции в стране отразились на отечественном образовании самым непосредственным и далеко не лучшим образом.

Так, согласно результатам известного исследования образовательных достижений учащихся PISA-2000, Россия оказалась в третьей (нижней) группе, т. е. среди 14 стран, ре-

зультаты которых статистически значительно ниже средних результатов стран ОЭСР (наряду с Испанией, Италией, Германией, Польшей, Грецией, Латвией, Бразилией и др.)¹.

Эти данные, как правило, интерпретируются в отечественной литературе двояким образом, причем обе трактовки, мягко говоря, не отличаются глубиной. Согласно одной из трактовок, низкий уровень ответов российских школьников является доказательством необходимости максимально быстрой перестройки отечественной системы образования по западным образцам. Согласно другому мнению, (1) школьники многих развитых стран потому имеют более высокие показатели по сравнению с российскими сверстниками, что система заданий ориентирована именно на западные образовательные программы, и (2) сами задания сформулированы крайне некорректно².

Совершенно очевидно: сторонники первого подхода «забывают» о том, что отечественная система школьного образования еще 12—15 лет назад давала высокий уровень знаний, особенно в области естественно-математических дисциплин; сторонники же второй интерпретации полученных результатов, напротив, не учитывают того факта, что качество образования на фоне множественных катастроф не может оставаться неизменным; наконец, обе позиции неожиданным образом совпадают в том, что ориентируются на существующие (или существовавшие) модели образовательных систем без учета нового темпа изменения реальности.

В настоящее время этот темп таков (причем он все более ускоряется), что если прежде происходило устаревание профессионального образования в течение каждых 5—10 лет, то перед современным и будущими поколениями открывается реальная перспектива устаревания образования общего (школьного) и, соответственно, необходимость обновления в течение всей жизни таких знаний и умений (компетенций), которые необходимы любому гражданину, потребителю услуг, пользователю технических систем и т. п.

В этой связи повторим еще раз: в России «революция знаний» возможна исключительно на базе эволюционных (но не революционных) изменений в образовательной политике государства. [...]

Первая часть статьи опубликована: *Философские науки*. 2006. № 1. С. 5—27 (продолжение следует).

ВОСПИТАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: НЕКОТОРЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Российская социальная среда как деструктивный воспитательный фактор

Совершенно очевидно, что успешное воспитание граждан страны возможно лишь в том случае, если это воспитание не будет ограничиваться сравнительно узкими рамками политики в области образования, но выйдет в более широкую область образовательной политики в целом. На протяжении многих столетий философы и педагоги главным фактором формирования личности справедливо признавали среду. Соответственно, по мнению мыслителей разных эпох и направлений, — от социалистов XVI в. и Руссо до академика РАО М. П. Щетинина, — при враждебной среде высокая результативность воспитания возможна лишь в учебных заведениях закрытого типа, где дети до определенного возраста защищены от ее развращающего влияния.

Совершенно очевидно, что контекст современной российской образовательной политики для воспитания в целом неблагоприятен:

— чрезмерно высокий уровень социального неравенства, когда децильный коэффициент, по разным оценкам, составляет от 14 до несколько десятков раз, причем неравенства, как правило, мало связанного с личными усилиями и способностями, неблагоприятен для формирования трудовой морали как по версии отечественной («православной») культурной традиции (труд как средство самореализации и (или) служения людям), так

¹ Основные результаты международного исследования образовательных достижений учащихся PISA-2000 (краткий отчет). М., 2002. С. 10.

² Например: X живет от города на расстоянии 2 км, а Y — на расстоянии 3 км. На каком расстоянии X живет от Y? (Совершенно очевидно, что расстояние определить невозможно, ибо в задании не указано, в каком направлении от города живут оба лица).

и по версии протестантской этики (труд как условие и средство честного стяжательства, развития «цивилизованного» бизнеса);

— широкое распространение бедности и малообеспеченности неблагоприятно для развития личности как в смысле доступа к информации (книги, Интернет, путешествия), так и в смысле фрустрации, комплексов неполноценности и т. п. Еще Аристотель вполне обоснованно полагал лучшими гражданами представителей «среднего класса», но не бедных и не супербогатых. Между тем, хотя в России, по официальным данным, к бедным отнесены 24% семей, представители Правительства признают на парламентских слушаниях, что в «адресной» социальной помощи нуждается около половины населения, средние же слои составляют 20–25%;

— по-прежнему неблагоприятна для воспитания информационная среда, в особенности формируемая электронными СМИ. Хотя в последние годы частота и варварство сцен насилия и деэротизированного секса на телеэкранах существенно снизились, даже Президент страны признает, что в России в открытом эфире показывают то, что на Западе — только по специальным каналам. С другой стороны, целая серия программ («Последний герой», «Слабое звено» и т. п.) усиливает социальную атомизацию общества, презрение к слабым и проигравшим в конкурентной борьбе.

Вряд ли верно стандартное представление, будто в начале 90-х гг. государство ушло из сферы воспитания, а в настоящее время в нее возвращается. В действительности, новая политическая элита вполне целенаправленно решала задачу «переидеологизации» массового сознания наиболее простым и эффективным способом — при помощи электронных СМИ, причем как государственных, так и подконтрольных большому бизнесу. В этом смысле «возвращение» государства в сферу воспитания означает лишь стремление установить полный контроль над теми каналами, которые контролировались не вполне лояльными «олигархами».

Доказательством сказанному может служить следующее. В тех случаях, когда федеральное правительство пыталось напрямую вмешиваться в процессы воспитания, направление этого вмешательства было вполне определенным. Так, Министерство общего и профессионального образования РФ в 1996 г. попыталось «запустить» Программу полового воспитания российских школьников, целью которой было «поощрение практики безопасного секса путем повышения знаний обучаемых групп в области сексуального здоровья и последствий высокорискованной сексуальной практики...» и которую сторонники традиционных ценностей, большая часть родителей и религиозных конфессий восприняли, скорее, как программу совращения малолетних, поскольку «безопасному сексу» детей обучали с 6-го класса и даже в начальной школе. Под давлением общественности, включая Комитет по образованию и науке Госдумы второго созыва, Программа была радикально пересмотрена Российской академией образования в направлении обеспечения нравственной гигиены.

Непосредственное влияние на образовательную политику вообще и на результативность воспитания как ее компонента, в частности, оказал кризис национальной идейной идентичности, связанный с революционной аномией и не вполне преодоленный до настоящего времени. Оставляя в стороне масштабы и формы проявления этого кризиса, отметим лишь один из его симптомов, едва ли не самый тревожный: согласно данным опроса 25 тыс. учащихся ПТУ, проведенного группой исследователей под руководством экс-министра образования Е. В. Ткаченко, причем «от Москвы до самых до окраин», почти 35% опрошенных юных граждан России хотели бы родиться и жить в какой-нибудь другой стране и еще почти 22% затруднились с ответом на этот вопрос¹.

В конце 90-х гг. кризис национальной идейной идентичности был осознан частью политической элиты, которая инициировала поиск «национальной идеи». После смены Президента на рубеже веков официальная «поисковая» кампания была прекращена, хотя острота проблемы, безусловно, сохранилась...

Цели воспитания: нормативно-правовой аспект

Переходя от идеологических аспектов к нормативно-правовым, следует прежде всего отметить три обстоятельства.

¹ Смирнов И. П., Ткаченко Е. В. Современный учащийся НПО (Всероссийское социологическое исследование). М.: Изд. центр АПО, 2002. С. 28.

Во-первых, духовно-нравственная сфера человеческой жизни вообще труднее всего поддается законодательному регулированию, за исключением экстремальных случаев человеческого поведения: образно говоря, поощрение героев и наказание преступников.

Во-вторых, именно в сфере идеологии революционное отрицание было наиболее сильным, а массовое сознание интеллигенции, включая педагогическое сообщество и самих законодателей, оказалось подвержено этому отрицанию в большей мере, чем у многих других социальных групп.

В-третьих, федеральное законодательство в той части, в какой оно пыталось воздействовать на процессы воспитания, скорее, отражало политическую ситуацию и формировалось господствующим состоянием массового сознания, чем формировало его.

В итоге первая редакция Закона РФ «Об образовании» оказалась более либеральной (т. е. в данном случае законодательно установила большую степень негативной свободы), чем могло «освоить» существовавшее общество.

Тем не менее заслуживает специального анализа эволюция представлений о «продукте» системы образования, о желаемом образе работника, гражданина и личности, который представлен в различных федеральных нормативно-правовых актах за последние 12 лет. Ввиду ограниченности объема работы сопоставим соответствующие положения двух таких актов: первой редакции Закона РФ «Об образовании» (июль 1992 г.) и «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» (Распоряжение Правительства РФ № 1756-р от 29.12.01 г.).

Закон РФ «Об образовании» (1992 г.) определил последнее как «целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства...» (Преамбула), поставив в этом определении воспитание на первое место. При этом законодатель акцентировал гуманистический характер образования, воспитание «гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье» (ст. 2).

Соответственно, в качестве целей образовательного (следовательно, в первую очередь, воспитательного) процесса Закон определил:

— **ориентацию «на обеспечение самоопределения личности, создание условий для ее самореализации» (ст. 14);**

— «формирование человека-гражданина, интегрированного в современное ему общество и нацеленного на его совершенствование» (там же).

При этом, по мнению законодателя, «содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами, различными расовыми, национальными, этническими, религиозными и социальными группами» (там же).

Оценивая спустя 10 лет приведенные положения Закона, следует отметить, что они повторяют идеи современной гуманистической педагогики, свободного воспитания, демонстрируя знакомство с ними законодателя.

Воспроизводя эти идеи, большинство последующих документов предлагают педагогам и менеджерам образования:

— исходить из интересов человека, общества и государства, ставя человека в этой триаде на первое место;

— учитывать потребности (запросы) и возможности личности в образовательном процессе;

— создавать условия для ее самореализации.

Несмотря на некоторые очевидные слабости (например, упоминание о любви к Родине почти вскользь, между природой и семьей), определение целей воспитания в базовом Законе остается в целом удовлетворительным и, пожалуй, ему следует отдать предпочтение перед рядом последующих документов.

Большинство принятых нормативно-правовых актов исходят из необходимости подготовки обучающегося к жизни в современном обществе. Однако представления об этом современном обществе за десятилетие существенно изменились, вследствие чего трансформировались и взгляды на «продукт» системы образования — на жизненные установки выпускника. Из всей совокупности личностных характеристик, названных в Законе 1992 г., в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» остались лишь гражданская ответственность, правовое сознание и ответственность за судьбу страны. Помимо этого, согласно «Концепции...», выпускники школы должны об-

ладать духовностью и нравственностью, инициативностью и предприимчивостью, самостоятельностью и ответственностью, толерантностью и мобильностью, способностью к адаптации и сотрудничеству, динамизмом и конструктивностью.

Если опустить детали (например, различия динамизма и мобильности в этом перечне не очевидны), эволюция желаемого портрета выпускника примечательна, по меньшей мере, в трех отношениях.

Во-первых, в первой редакции Закона «Об образовании» любовь к Родине не акцентировалась, но все же присутствовала. В «Концепции модернизации» в данном контексте она не значится вовсе. Поскольку массовое сознание и сознание политических элит с конца 90-х гг. и до сентября 2001 г. эволюционировало в противоположную сторону (т. е. к патриотическим ценностям), это можно объяснить лишь преобладанием либеральных «западников» среди разработчиков данного раздела «Концепции».

Вообще, здоровый патриотизм — это естественная реакция гражданина на заботу о нем государства и, напротив, проявления национализма и ксенофобии в России («бриголовые», «Русское национальное единство» и т. п.) есть во многом уродливая реакция на отсутствие в государственной политике здорового патриотизма.

Во-вторых, при общем акценте индивидуальной свободы и самореализации личности, Закон охватывал, преимущественно, ту часть либеральных ценностей, которые приобрели общественицистский характер, сочетая их с ценностями социальными, тогда как «Концепция» — именно рыночную часть того же «джентльменского набора» (предприимчивость, мобильность, динамизм и т. п.).

В-третьих, «дуэт» духовности и нравственности в данном контексте может рассматриваться как «дань» православию. Тем самым подтверждается высказанная ранее идея о попытке противоречивого синтеза либерально-рыночной и религиозно-почвеннической ориентаций, приводящего либо к «ножницам» между «официальным» и «оперативным» кодами морали, либо к превращению православия в чисто ритуальную форму поведения. [...]

Только принципиальная корректировка всей государственной политики с учетом ее образовательных аспектов способна превратить российский социум в воспитывающую среду, сделать осмысленной разработку и принятие, а главное — реализовать российскую национальную доктрину образования. Тем самым будут сформированы и основы нормативно-правового регулирования воспитательной составляющей федеральной образовательной политики. Одновременно такая корректировка является необходимым условием превращения в отдаленной перспективе постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации в качестве возможной «национальной идеи» в интернациональную реальность совместно с другими народами планеты.

Статья публикуется с сокращениями.

Полностью текст опубликован в журнале «Народное образование». 2003. № 2. С. 25—33.

КУЛЬТУРА ПРАВОСЛАВНАЯ — ОБРАЗОВАНИЕ СВЕТСКОЕ

Вернуться к теме православного образования побуждают, с одной стороны, главный христианский праздник — Пасха, а с другой, — встреча нового Министра образования с Патриархом Всея Руси, на которой, если верить публикациям, А. Фурсенко пообещал Алексею II ввести уроки православия в основную программу школы в виде «Истории религии». В этой связи позволю высказать собственное мнение, исходя из того, что вопрос явно имеет три стороны: юридическую, культурологическую и политическую.

С юридической точки зрения, во-первых, согласно действующей Конституции и Закону РФ «Об образовании», образование в России имеет светский характер. То есть в рамках школьных программ могут изучаться «Православная культура», «История православия» (лучше — мировых религий), но никак не Закон Божий. Согласно российскому законодательству, преподавание любой религии в государственных и муниципальных учебных заведениях, а тем более религиозные обряды, не допускаются. Вместе с тем, каждая конфессия, действующая в рамках закона, вправе открывать собственные учебные заведения, в т. ч. воскресные школы. Если религиозная школа имеет общеобразовательные программы в соответствии с государственными стандартами и государственную аккредитацию, она вправе получать также и государственное финансирование.

Во-вторых, в утвержденном приказом Министра образования 5 марта 2004 г. Государственном стандарте общего образования предмет «Православная культура» отсутствует. Соответственно, его введение в настоящее время возможно лишь на факультативной основе, причем, как гласит Федеральный закон о свободе совести и вероисповедания, только по просьбам родителей, с согласия обучающихся и органов управления образованием, но отнюдь не в обязательном порядке.

Действия Минобробразования в последние два года противоречили духу действующего законодательства, как минимум, двояким образом. С одной стороны, рекомендация вводить «Православную культуру» в школах фактически означала ее превращение в «обязательный факультатив»; с другой, — предложенная примерная программа по этому предмету фактически была списана с аналогичных программ религиозных учебных заведений и, соответственно, ориентировала учителей на преподавание не культуроведческой, но религиозной дисциплины.

С культурологической точки зрения нельзя не признать: православие сыграло огромную роль в истории нашей страны. Сравнивая отечественную культурную традицию с традициями, например, в протестантских странах, легко обнаружить принципиальные различия. В рамках протестантской этики на первом месте стоят ценности материального успеха, в контексте этики православной — ценности неутилитарные.

С этой особенностью православной культуры не порывал даже советский политический режим, атеистическая идеология которого по содержанию оказалась ближе православию, чем современная официальная система ценностей, постоянно отдающая ему поклоны. Именно в последние 15 лет была предпринята попытка разрыва с отечественной традицией, идущей от православия. В этот период СМИ оказались переполненными восхвалением денег как якобы единственной подлинной жизненной ценности.

Православная культурная ориентация много раз подвергалась критике как «помеха внедрению рынка». Одним из первых сделал это Вл. Набоков в «Защите Лужина». Мне же представляется, что любая модернизация, не опирающаяся на отечественную традицию, обречена либо на уродливые формы, либо на провал.

С политической точки зрения, главной особенностью современной официальной идеологии является попытка соединения радикального либерализма (неоконсерватизма) в экономике с авторитаризмом в политике и внешними атрибутами православия в духовной сфере. Такое сочетание несочетаемого не только крайне противоречиво, но и вредно с политико-образовательной точки зрения.

Крайне противоречиво, ибо в православной традиции очень сильна ориентация на социальную справедливость, общинность (социальную солидарность) и неутилитарные ценности. Напротив, праволиберальный рыночный фетишизм ориентируется на формирование модели личности в духе «одинокого волка».

Вредно, поскольку деформируется система православных ценностей и ее возможная социально-культурная роль: новая экономическая и политическая элита стремится превратить православие в элемент «массовой культуры», позволяющей «грешить и каяться» — сохранять перед обществом благообразное лицо, по-прежнему с легкостью нарушая все десять заповедей и большую часть действующих законов практическими делами в «рыночной экономике», политической и частной жизни.

В последние годы появилось ощущение, что «маятник» общественных настроений немного качнулся в сторону человеческих ценностей. Однако никакая идеология, даже самая лучшая, не должна навязываться — тем более несовершеннолетним в рамках государственной школы. Это вредно и для самого православия. Не случайно отец Павел Флоренский высказался в том смысле, что нет ничего вреднее для православной культуры, чем принудительное введение в школе Закона Божьего.

Следует учитывать и многонациональность нашей страны. Известно, что в национальных республиках исламские круги активно требуют введения в качестве обязательного учебного предмета «Мусульманской культуры» в рамках национально-регионального компонента школьного стандарта. Того же можно ожидать со стороны представителей нетрадиционных для России конфессий. Все это способно спровоцировать религиозные конфликты в школьных коллективах и среди родителей.

Выступая за светский характер отечественного образования, считаю полезным и необходимым, чтобы в рамках существующей системы учебных предметов в школе детей

знакомили с основами, как минимум, традиционных для России религий, разумеется, в культурологическом плане. В XXI в. едва ли не более актуально, чем в XIX-м, утверждение В. Белинского: есть много родов образования, но выше их всех стоит образование нравственное...

Опубликовано: Вести образования. 2004. № 7–8. 1–30 апреля. С. 2.

ТАМ РУССКИЙ ДУХ?..

«Национальная идея» и российская образовательная политика. Мифы нового века

Году, кажется, в 1989-м я прочел в «Огоньке» интервью Эрнста Неизвестного. Известный (вопреки своей фамилии) скульптор высказал тогда мысль совсем не в духе времени, но, как позже выяснилось, очень глубокую (пересказываю по памяти): ни одно крупное общественное преобразование не может быть успешным без вдохновляющей идеи, политического мифа, способного увлечь массы народа; рыночная «экономика» и подобные ей лозунги перестройки в качестве такой идеи не пригодны, и, следовательно, очередная попытка российского обновления столкнется с большими трудностями. Потому пожелание успеха на этом пути было облечено в формулу: «Хорошего вам мифа, господа!».

Как часто бывает в жизни, интуиция и прозрение художника опередили теоретические построения ученых. Лишь позднее, занявшись изучением революции как исторической ситуации, я понял, что одним из неизбежно присущих ей признаков является мифологизация массового сознания — стремительное разрушение мифов уходящего общества и столь же стремительное создание мифологии новой, прокладывающей дорогу обществу будущему, а иногда — позапрошлому. Тот факт, что в 1990-х гг. в России произошла именно революция, в последнее время все более признается официальной наукой и даже официальными властями, включая Президента.

Между прочим, в современной науке борются, как минимум, два взгляда на природу социально-политических мифов и их роль в обществе.

Сторонники первого подхода уверены, что социальные и политические мифы — явление, безусловно, вредное, а избавление от них — одна из главных задач науки и практики. Однако даже сверхрационалисты не могут отрицать, что почти все современные политические и социальные концепции — от гражданского общества и правового государства до коммунизма — возникали как утопические проекты, что социально-политические утопии не только не являются препятствием к осуществлению политического проекта, но, напротив, представляют собой необходимые условия их частичного исполнения, причем речь идет об исторических проектах, грандиозных по масштабам.

Гораздо более убедительной выглядит логика сторонников второго подхода, в большинстве принадлежащих к психоаналитическому направлению. Так, известный психолог и философ К. Юнг различал два типа мышления (психических процессов). Первый тип — логическое мышление, которое направлено на приспособление к внешнему миру, выражено в слове и представляет собой инструмент и порождение культуры. Проявляется оно в науке, технике, индустрии. Второй тип — ненаправленное мышление (поток образов, игра воображения), которое служит необходимым условием духовного творчества — искусства, мифологии, религии. Перекос в сторону первого типа мышления, по Юнгу, приводит лишь к тому, что люди становятся богатыми в познаниях, но бедными в мудрости. Второй тип мышления так же необходим, как и первый, но его функция — установление гармонии внутреннего мира человека, жизнь в согласии с самим собой. С этой точки зрения, демифологизация сознания не только не необходима, но, напротив, вредна. По Юнгу, цивилизация, утратившая своих богов и свои мифы, обречена, ибо миф придает смысл настоящему. Разрушение же мифа приводит к ощущению бессмысленности существования.

Действительно, потребность в ценностях, в вере (не обязательно религиозной), «потребность смысла жизни», как известно, есть одна из фундаментальных потребностей человека. Человеческую психологию невозможно свести к ее рациональному началу. Ценности, а тем более вера, не могут быть целиком выведены из разума, не говоря уже

о рассудке. Поэтому, где вера, там почти всегда и миф. Причем относится это не только к индивидуальной психологии, но и к психологии общественной.

Любая революция принадлежит к числу тех исторических ситуаций, когда прежние ценности (а вместе с ними и прежние мифы) разрушаются быстрее всего, а потребность в новых ценностях (и, следовательно, в новой мифологии) ощущается острее. При этом наиболее важной для нашей темы особенностью революционного мифотворчества является преобладание утопий и антиутопий в составе политических мифов.

Под утопией мы понимаем вид социально-политического мифа, изображающий в систематизированной форме идеальное общественное устройство, не реализуемое в принципе либо в данный исторический период. Один из отличительных признаков социально-политических утопий от прочих политических мифов состоит в том, что, по крайней мере, в переломные моменты истории они непосредственно побуждают людей к действию. Не случайно и весьма удачно сказано, что утопия — это предшественница проекта, а построение утопий — прапроектирование (Н.Г. Алексеев).

В новое и новейшее время каждая великая революция выдвигала и великую идею — относительную продуктивную утопию, воодушевлявшую сторонников на сверхчеловеческие упорство, терпение, усилия и поступки, которые поражали, восхищали и ужасали современников и потомков. Хотя непосредственные результаты революции, как правило, разочаровывали, со временем новая общественная система несколько приближала человечество к социальным идеалам, отраженным в утопии, которая многим не только дореволюционным, но и постреволюционным мыслителям представлялась абсолютной, не реализуемой ни при каких условиях.

В этом отношении новейшая российская революция 90-х гг. прошлого века явно проигрывает своим великим предшественницам. Пожелание Эрнста Неизвестного так и осталось нереализованным: «хорошего мифа», великой идеи, относительной продуктивной утопии, способной мобилизовать широкие слои народа, эта революция так и не создала. [...]

В конце 1990-х гг. кризис национального самосознания вызвал тревогу части политической элиты, которая инициировала поиск «национальной идеи». После смены Президента на рубеже веков официальная «поисковая» кампания была прекращена, хотя острота проблемы, безусловно, сохранилась. Обратимся и мы к основным типам мировоззренческих ориентаций и политических мифов, имеющих значительное число сторонников в современной России.

1. Либерально-западническая ориентация (точнее, либерально-американистская, поскольку в рамках западной цивилизации различия между американской и европейскими культурами, а равно и между самими европейскими культурами, весьма существенны). Достоинства этой ориентации состоят в том, что именно в рамках либерализма первоначально разработаны такие ценности, ставшие общецивилизационными, как политическая свобода, плюрализм, права человека и т. п.

Однако в русле отечественного варианта той же идеологии был создан и активно распространялся разрушительный миф об ущербности России и русского народа. И хотя в разные времена этот миф имел разный исторический смысл и был представлен идеологами с совершенно различными гражданскими позициями (от П. Я. Чаадаева до Ю. Н. Афанасьева), тем не менее содержание мифа вряд ли позволяет породившей его либеральной идеологии претендовать на роль «национальной идеи». Если к тому же принять во внимание, что попытка реализации либеральной экономической модели в российских условиях 1990-х гг. привела страну к крупнейшей в мирное время социально-экономической катастрофе, подобные претензии становятся и вовсе проблематичными.

Быть может, никто так точно и глубоко не вскрыл изъяны отечественного «западничества», как это сделал великий русский поэт и настоящий европеец Ф. И. Тютчев:

Напрасный труд —
Нет, их не вразумишь! —
Чем либеральней, тем они пошлее.
Цивилизация для них — фетиш,
Но не доступна им ее идея.
Как перед ней ни гниешь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы!..

Непонимание самой «идеи цивилизации», т. е. направления ее развития, попытка воспроизвести ее отсталые формы вместо того, чтобы смотреть вперед, пренебрежение отечественной культурной традицией в широком смысле этого слова — вот те пороки отечественного псевдолиберализма, которые в современной России воспроизвели и постоянно воспроизводят не современный социальный капитализм («социальное рыночное хозяйство»), но дикарский капитализм позапрошлого века.

Стоит заметить, что в начале 1990-х гг. в соответствии с логикой революционного «маятника» в России была предпринята попытка разрыва с духовно-нравственными традициями не только советской, но и досоветской российской культуры. В отличие от западной протестантской этики труда, индивидуализма и прагматизма, для этой культуры была характерна установка на нестяжательскую самореализацию и служение людям, в более современных терминах — на постматериальные ценности. Именно эта ориентация и была отвергнута как помеха внедрению рынка.

В действительности же содействовать цивилизованным рыночным отношениям могла бы, например, описанная М. Вебером протестантская этика с ее культом честного стяжательства. Однако «радикальные реформаторы» апеллировали не к ней, но к самым примитивным лозунгам типа «Деньги — единственная подлинная ценность». Ведущие политики и публицисты призывали с пониманием относиться к криминальному характеру стремительно возникавшего отечественного капитала, доказывая, что иного пути нет, а через 2–3 поколения капитал станет цивилизованным. Эта пропаганда в значительной мере обусловила тот факт, что новейшая российская революция (на фоне почти всеобщих призывов к «покаянию» и «катарсису») по отношению к праву и общечеловеческой морали оказалась криминальной.

2. Консервативно-почвенническая, «славянофильская» ориентация (для нашей темы различие почвенничества и славянофильства, которое проводил Ф.М. Достоевский, не является принципиальным). Такая ориентация нередко, но не всегда, бывает связана с православием, а иногда — с мифом об избранности русского народа, о «народе-богосносце». К ее достоинствам можно отнести стремление сохранить отечественную культурную традицию (тогда как либеральные западники вольно или невольно с ней порывают) и защитить государственные интересы России (без чего невозможно даже восстановление экономики). Слабыми же сторонами этой ориентации нередко выступают претензии на исключительность, на монопольное право представлять государственную идеологию (в том числе в форме государственной религии), а иногда — антимодернизаторские настроения и национализм.

3. Мистически-восточная ориентация: различные варианты буддизма и дзэн-буддизма, эзотеризма, разного рода синкретические верования. Несмотря на то, что именно в контексте восточных культур (особенно индийской и тибетской) накоплен чрезвычайно богатый опыт психофизиологической саморегуляции, — опыт, элементы которого могли бы принести пользу современному человеку вне зависимости от его культурной принадлежности; несмотря на то, что эта ориентация является преобладающей у ряда народов России (калмыки, буряты, тувинцы) и имеет определенные предпосылки в отечественной культурной традиции (Е.П. Блаватская, Н.К. и Е.И. Рерихи); несмотря на то, что некоторыми сторонниками этой ориентации выдвинут миф о предназначении России быть родиной нового или синтетического философски-религиозного мировоззрения; несмотря даже на то, что восточные верования в причудливом сочетании с другими весьма широко распространились в массовом сознании современной кризисной России, а буддизм стал модой среди значительной части творческой интеллигенции; — несмотря на все это, шансы восточной мировоззренческой ориентации стать основой российской «национальной идеи» на порядок ниже шансов предыдущих ориентаций, если просто не близки к нулю.

Почти невозможно представить себе, что большинство граждан России даже в условиях глубочайшего системного кризиса и разрушения норм и ценностей примут решение изменить веками складывавшуюся культурную традицию. И уж совсем нереальной выглядит ситуация, когда бы такое решение было одобрено российской политической и идеологической элитой.

4. Социалистически-коммунистическая ориентация, в рамках которой «советским марксизмом» был разработан политический миф о предназначении России стать провозвестницей новой общественной формации — моделью будущего для всего человечества.

Думаю, претензию марксизма как главного выражения этой ориентации на создание строго научной теории общественного развития удалось осуществить лишь частично — в плане исторического и социологического познания — с учетом ограниченности его возможностей в XIX в. Что же касается глобального социально-политического прогноза, то под именем научного социализма последователи К. Маркса, подобно некоторым их предшественникам, пропагандировали великую продуктивную относительную утопию.

Доказательством относительной утопичности марксистской футурологии может служить сама социальная реальность, которая, во-первых, в советскую эпоху принципиально разошлась с теорией, а, во-вторых, в эпоху постсоветскую вторично показала проблематичность реализации марксистского социального идеала в современных исторических условиях.

В пользу исторической продуктивности марксистской футурологической утопии говорят следующие обстоятельства:

— сокращение разрыва в уровне цивилизации между индустриально развитыми странами и государствами «реального социализма»; как правило, более высокие темпы экономического развития в «социалистическую эпоху» по отношению к досоциалистической и постсоциалистической;

— безусловно положительное влияние социалистического движения на наиболее передовые в индустриальном отношении страны с точки зрения развития в них экономического регулирования, социальных гарантий, ограничения социального неравенства, повышения общеобразовательного и общекультурного уровня населения и т. п.;

— прочно утвердившееся в научных кругах и международных организациях (Римский клуб, Конференции ООН) представление, согласно которому модель «потребительского общества» не может быть реализована в масштабах человечества в целом, совпадение по многим позициям футурологических прогнозов сторонников как постиндустриализма, так и концепции «альтернативной цивилизации» с дружно отвергнутыми в России марксистскими прогнозами.

Несмотря на серьезные аргументы в пользу относительности и продуктивности социалистически-коммунистической утопии, несмотря на то, что число людей, голосующих за коммунистические организации, достигает в стране трети и более, а во многих регионах коммунисты вместе с союзниками добились законодательной либо исполнительной власти, эта идейно-политическая ориентация в «чистом» виде вряд ли способна стать российской «национальной идеей». Главная тому причина — закономерности революции как исторической ситуации и, в частности, революционное отрицание, которое не позволяет вернуться к прежней системе или идеологии как таковой. Неслучайно многие избиратели, настроенные значительно левее лидеров современной КПРФ, не голосуют за коммунистов из-за стойкого неприятия наименования партии.

В российских культурно-политических условиях все эти ориентации представлены не в чистом, но в синкретическом (смешанном) виде, причем на уровне не только массовой психологии, но и политических идеологий. Так, вопреки распространенному мнению, большинство граждан России не может быть отнесено к православным в строгом смысле этого слова. Хотя, согласно некоторым опросам, таковыми признают себя свыше 50% всего населения, более глубокие исследования показывают, что преобладающей религиозно-философской ориентацией является именно синкретизм. Наряду с элементами православия, массовое сознание граждан страны представляет собой причудливую смесь верований и суеверий (экстрасенсы, инопланетяне, астрология, реинкарнация, фрагменты энергоинформационных концепций и т. п.), которые, со строго православной точки зрения, представляют собой ересь и подвергаются критике официальными идеологами русской православной церкви.

Аналогичным образом формируются идеологии большинства политических движений. Так, известное ироническое замечание о том, что в интерпретации современной КПРФ исторический материализм стал национальным по форме и православным по содержанию, не лишено смысла: в работах идеологов этого направления действительно наблюдается попытка синтеза многочисленных положений «советского марксизма» с социал-демократической и национально-государственной идеологией. В свою очередь, политические течения, относящие себя к либералам («Союз Правых Сил» и правая часть «Яблока»), явно дрейфуют в направлении европейских «новых правых». Они все более сочетают неоконсервативные рецепты в экономике с отказом от принципов народовластия в политике, про-

возглашение которых в свое время позволило им временно «приватизировать» право именовать демократами. Например, поддержка закона, запрещающего проведение в стране референдумов в течение полутора лет из каждых четырех, совместима с либерально-демократическими ценностями не более, чем инквизиция с чернокнижием.

Однако наибольший практический интерес представляет идеология «партии власти». Разумеется, не в лице «Единой России», сформированной сверху и не имеющей собственных ясно очерченных политических представлений, но в лице Администрации Президента и отчасти Правительства, сформировавших «Единую Россию» и разработавших для нее идеологию. Если судить не по декларациям, но по практическим действиям, главной особенностью этой идеологии является синкретическое сочетание радикального либерализма (неоконсерватизма) в экономике с авторитаризмом в политике и внешними атрибутами православия в духовной сфере.

Такое сочетание несочетаемого не только крайне противоречиво, но и вредно с политико-образовательной точки зрения. Крайне противоречиво, ибо в православной традиции, пронизавшей отечественную культуру, очень сильна ориентация на социальную справедливость, общинность (социальную солидарность) и неутилитарные (постматериальные) ценности. Напротив, праволиберальный рыночный фетишизм ориентирован на формирование не только «дикого» капитализма, но и модели личности в духе «одинокого волка». Не случайно даже в праволиберальном «Московском комсомольце» студенты еще более праволиберальной Высшей школы экономики именовались не иначе, как «молодые людоеды»!

Переплетение «трех составных частей» новой социальной идеологии способно принести вред образованию, как минимум, по следующим причинам:

— в российских условиях радикально-либеральный (правоконсервативный) экономический курс связан, с одной стороны, с экономией бюджетных инвестиций в развитие человека, а с другой, — с отменой налоговых льгот для некоммерческих организаций, деятельность которых в большинстве случаев направлена на поддержку образования, культуры, науки и различных общественных инициатив;

— нарастание отечественного авторитаризма с его главным принципом «позволено все, кроме нелояльной политики» трудно совместимо с формированием гражданина в гражданском обществе;

— деформируется сама система православных ценностей и ее возможная социокультурная роль: новая экономическая и политическая элита стремится превратить православие в феномен «массовой культуры», позволяющий ей «грешить и каяться» — сохранять перед обществом благообразное лицо, по-прежнему с легкостью нарушая все 10 заповедей и большую часть действующих законов практическими делами в «рыночной экономике» и политической жизни.

Духовно-ориентированная цивилизация

Приходится констатировать, что в России, с одной стороны, политические элиты и широкие слои народа достаточно остро ощущают необходимость объединяющей «национальной идеи», а с другой, — существующие культурные, политические и мировоззренческие ориентации, скорее, разъединяют, чем объединяют нацию. И хотя очевидно, что в условиях постреволюционных руин и конфликтов зона гражданского согласия может быть лишь весьма узкой, тем не менее не лишен смысла поиск такой культурной ориентации, которая, не устраняя противоречий по другим вопросам, могла быть принята хотя бы относительным большинством идеологически активного меньшинства, а также следующими в фарватере этого относительного большинства общественными группами.

Думаю, как минимум, наравне с другими заслуживает обсуждения следующая гипотеза: в современных условиях роль относительной продуктивной утопии мог бы сыграть миф о российской духовности и постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации.

Под духовностью в данном случае понимается не определенный тип религиозного мировосприятия (духовность может быть как религиозной, так и безрелигиозной, в т. ч. атеистической) и не абстрактное представление о «духе народа». Духовность — это исторически сформировавшийся тип культурной ориентации, при котором неутилитарные (человеческие, «постматериальные») ценности занимают высокое (или даже ведущее) место в ценностной иерархии общества и человека. Именно такой тип ориентации был ха-

рактен для российской культуры, по меньшей мере, в XIX—XX вв., причем как в досоветский, так и в советский периоды, для деятелей культуры разных политических направлений и религиозных верований.

Основные аргументы в пользу того, что представление о постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации могло бы стать новой «национальной идеей» (или, по крайней мере, ее «несущей конструкцией»), сводятся к следующему.

Во-первых, плюралистический характер идеи, ее приемлемость для широкого круга организаций и общественных групп. С идеей постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации могут согласиться представители всех основных конфессий, религиозно индифферентные группы населения и атеисты. Программы и выступления лидеров большей половины политических движений и организаций убеждают в том, что эта идея в различных истолкованиях вполне может стать ограниченным полем относительного согласия между ними. И, наконец, крушение мифа о быстром создании «потребительского общества» в России, перенасыщение информационных каналов пропагандой примитивного потребительства, голого прагматизма, не говоря уже о грубом насилии и сексе, лишенном Эроса, создают сравнительно благоприятные условия для того, чтобы «маятник» качнулся в противоположную сторону — к духовным, человеческим ценностям.

Во-вторых, соответствие идеи постиндустриальной, духовно ориентированной цивилизации не только традициям отечественной культуры, но и перспективам развития человечества в целом. Еще в середине XX в. появились явные признаки того, что современная модель цивилизации себя исчерпала или близка к исчерпанию. Не случайно уже первые доклады Римскому клубу произвели впечатление разорвавшейся бомбы на фоне радужных прогнозов приверженцев «технологического оптимизма». Вывод о необходимости смены парадигмы цивилизационного развития подтвердила конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г.

Иначе говоря, современная цивилизация поставлена (или в обозримой перспективе будет поставлена) перед альтернативой: либо изменение вектора развития в пользу непотребительских (человеческих, духовных) ценностей, либо глобальная катастрофа с мрачными последствиями, вплоть до самоуничтожения. Впрочем, возможность подобного финала развития индустриальной цивилизации задолго до ученых предсказал поэт, быть может, самый философичный в российской литературе XIX века — Е. Баратынский:

Сначала мир явил мне дивный сад;
Везде искусств, обилия приметы;
Близ веси весь и подле града град,
Везде дворцы, театры, водометы,
Везде народ, и хитрый свой закон
Стихии все признать заставил он.
Уж он морей мятежные пучины
На островах искусственных селил,
Уж рассекал небесные равнины
По прихоти им вымышленных крил;
Все на земле движением дышало,
Все на земле как будто ликовало.
Исчезнули бесплодные года,
Орагаи по воле призывали
Ветра, дожди, жары и холода,
И верною сторицей воздавали
Посевы им, и хищный зверь исчез
Во тьме лесов, и в высоте небес,
И в бездне вод, сраженный человеком,
И царствовал повсюду светлый мир.
Вот, мыслил я, прельщенный дивным веком,
Вот разума великолепный мир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещение!
.....
Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалася живущего судьбина.

Где люди? Где? Скрывались в гробах!
Как древние столпы на рубежах,
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям заглохнувшим блуждали
Без пастырей безумные стада;
С людьми для них исчезло пропитанье;
Мне слышалось их гладное бляенье.
И тишина глубокая вослед
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был позор
Пустынных вод, лесов, долин и гор.
По-прежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взошло,
Но на земле ничто его восходу
Произнести привета не могло.
Один туман над ней, синяя, виляя
И жертвою чистительной дымился.

В условиях нарастающей угрозы планетарной экологической катастрофы идея постиндустриальной, духовно ориентированной цивилизации выглядит уже не просто как продуктивная относительная утопия, но через несколько десятилетий может стать «категорическим императивом».

Национальная (государственная) доктрина образования

Формой официального признания «национальной идеи», способом ее превращения в национальную стратегию могла бы стать переработанная и оформленная в виде закона «Национальная доктрина образования в Российской Федерации». Переработанная — ибо утвержденный Постановлением Правительства № 751 от 04.10.2000 г. текст Доктрины в части финансирования образования, социальных гарантий для тех, кто учится и учит, а также в части провозглашаемых ценностей, «секвестрирован» до неузнаваемости даже по сравнению с тем проектом, который был одобрен Всероссийским совещанием работников образования в январе 2000 г. Оформленная в виде федерального закона — ибо в настоящее время существует юридическая нелепость, когда Доктрина, призванная определить стратегию развития образования на долгосрочную перспективу, утверждена Постановлением Правительства, в то время как Федеральная программа развития образования, т. е. программа реализации этой стратегии до 2005 г., утверждена Федеральным законом.

Координация национальной доктрины образования и «национальной идеи» должна быть двусторонней: не только доктрина под «идею», но и «идея» под доктрину. Если, например, в качестве государственной стратегии под любым наименованием избирается идея либерального капитализма (хотя либеральный капитализм в развитых странах давно превратился в социальный), доктрина должна быть ориентирована главным образом на обслуживание рынка труда и на подготовку экономической и политической элиты из представителей истеблишмента. Если же в качестве национальной стратегии будет избран переход в перспективе к постиндустриальной, духовно ориентированной цивилизации («альтернативной цивилизации»), образование необходимо рассматривать прежде всего в качестве средства развития личности и самостоятельной ценности. При этом социальная эффективность вложений в образование должна получить приоритет по сравнению с эффективностью экономической.

Что касается корректировки государственной политики под национальную доктрину образования, то некоторыми из ее направлений могли бы стать:

— поддержка отечественного товарного производства и прежде всего высокотехнологичных его отраслей. Это обеспечит востребованность высокообразованных, высококвалифицированных работников и модернизацию страны;

— стимулирование развития таких форм собственности и организации труда, которые обеспечивают участие работника в распределении полученного дохода и управлении производством (одна из возможных моделей была предложена С.Н. Федоровым в извест-

ном Федеральном законе «Об акционерных обществах работников (народных предприятиях)»). Это также потребует от работника повышения уровня образования, причем не только профессионального, но и общего, в т. ч. гражданского;

— формирование системы налогообложения, направленной одновременно на стимулирование производства и ограничение социального неравенства, которое превзошло критические для национальной безопасности страны показатели. При этом доходы от «ноу-хау» должны облагаться иначе, чем доходы от операций, связанных с добычей и вывозом сырья, а доходы, использованные гражданами на собственное образование и культурное развитие, в отличие от затрат на престижное потребление, — в определенных пределах не должны облагаться вообще. Все это имеет не только экономическое значение, стимулируя капиталовложения в новейшие виды производства и развитие «человеческого капитала», но и моральное (государство демонстрирует, каким именно видам труда оно отдает приоритет);

— регулирование оплаты труда, при котором ее уровень в сферах, обеспечивающих воспроизводство и развитие человека (образование, медицина, наука, культура и т. п.), был бы, по крайней мере, не ниже, чем в сфере материального производства. Это не только остановит отток квалифицированных кадров из бюджетной сферы, но в перспективе окупится даже с экономической точки зрения за счет создания новых технологий, квалификации работников и качества товаров;

— осуществление на деле принципа: коммерческому искусству — коммерческие цены, высокие налоги, контроль общественности; народному и классическому искусству — низкие налоги, государственная поддержка и общественное меценатство;

— прямое законодательное предписание государственным и муниципальным средствам массовой информации выделять часть эфирного времени образовательным программам, сделать их приоритетными по сравнению с развлекательными, — предписание, подкрепленное налоговыми льготами для всех СМИ в части трансляции ими образовательных программ;

— **государственно-общественный характер управления государственными и муниципальными СМИ. При этом создаваемые при них наблюдательные советы, в состав которых должны будут войти видные деятели культуры, философы, социологи, психологи, педагоги, должны обеспечивать не столько представление в эфире различных политических взглядов, но прежде всего направленность «четвертой власти» на просвещение и развитие личности, на повышение престижа образования и культуры.**

Только принципиальная корректировка всей государственной политики с учетом ее образовательных последствий способна превратить российское общество в среду, формирующую духовность. Только она способна помочь стране не превратиться в «ухудшенную Америку», по выражению одного американского знакомого, но сохранить отечественную культурную традицию, говоря словами А.С. Пушкина, «русский дух», соединив ее с новейшими технологиями. Одновременно такая корректировка — это необходимое условие превращения в отдаленной перспективе постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации в качестве возможной «национальной идеи» в интернациональную реальность совместно с другими народами планеты.

Опубликовано: Складчина-4. Сборник. Омск: ООО «Издательский дом «Наука», 2004. С. 443—457.